

Источник: Тит Андроник. Перевод О. Чюминой. С предисловием Р. Бойля // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 5. С. 176-226.

176

<Сверху на странице расположена иллюстрация реконструкции немецкого архитектора Релендера (Rehlender, p. 1845) «Римъ въ концъ императорской эпохи».>

ТИТЪ АНДРОНИКЪ.

Вѣроятно, нѣтъ пьесы, принадлежность которой тому или иному автору возбуждала бы больше сомнѣній, чѣмъ «Титъ Андроникъ». Въ извѣстномъ дневникѣ Генсло, который является главнымъ источникомъ относительно пьесъ ранняго періода Шекспировскаго творчества, упоминается о драмѣ «Титъ и Веспасіанъ», представленной актерами лорда Стренджа (а не труппою Адмирала, какъ утверждаетъ профессоръ Уордъ) 11 апрѣля 1592 года. Это, вѣроятно, та пьеса, которая дошла до насъ въ нѣмецкой версіи и извѣстна по книгѣ Кона «Шекспиръ въ Германіи». Пьеса называлась «Титомъ Андроникомъ», но въ ней выступаетъ Веспасіанъ, хотя въ началѣ не въ качествѣ сына Андроника.

Въ существенныхъ чертахъ фабула этой пьесы совпадаетъ съ «Титомъ Андроникомъ» Шекспира. Но сходство ограничивается только дѣйствіемъ. Веспасіанъ, вначалѣ появляющійся только какъ приверженецъ Андроника, въ заключеніе оказывается его сыномъ и мстителемъ за него – и коронуется императоромъ. Пьеса не имѣетъ литературныхъ достоинствъ; точно такъ же она не помогаетъ въ установленіи даты, такъ какъ она была сначала напечатана въ Германіи въ 1620 году, хотя давалась на сценѣ уже въ 1600 году. Въ февралѣ 1593 года въ официальные книгопродавческіе перечни (такъ наз. Stationers Registers) внесена книга подъ заглавіемъ «Благородная римская исторія Тита Андроника», вмѣстѣ съ балладою на тотъ же самый сюжетъ. Ни одного экземпляра этой пьесы не сохранилось.

По дневнику Генсло пьеса подъ названіемъ «Андроникъ» была дана на сценѣ 5 іюня 1594 года, и въ пьесѣ «Какъ узнать плута», данной въ томъ же году, есть намеки на нашу драму.

Въ 1598 году «Титъ Андроникъ» упомянуть какъ пьеса Шекспира¹ въ Palladas Tamia, Фрэнсиса Мереса. Старѣйшее quarto экземпляръ котораго сохранился до нашего времени, относится къ 1600 году. На его заглавномъ листѣ обозначено, что «Тита Андроника» играли «слуги» герцога Пэмброка, графа Дэрби, герцога Сусекса и лорда Камергера; по всей вѣроятности всѣ эти четыре труппы приобрѣли право на представленіе драмы. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ указаній на «Тита Андроника» на книгопродавческихъ спискахъ, а также нѣсколько изданій пьесы. Она значится въ спискахъ 1602 года; въ 1611 году Эдуардъ Уайтъ издалъ второе quarto. Затѣмъ «Титъ Андроникъ» былъ включенъ въ Folio 1623 г. и есть еще дальнѣйшія указанія на эту драму въ 1624, 1626² и 1630 гг.

Первое сомнѣніе въ принадлежности «Тита Андроника» Шекспиру высказано было драматургомъ Рэвенскрофтомъ въ 1687 г. Онъ утверждалъ, что «Титъ Андроникъ» старая пьеса, которую Шекспиръ только передѣлалъ. Многіе изъ новѣйшихъ критиковъ примыкаютъ къ этому мнѣнію, но имъ слѣдовало-бы подкрѣплять его болѣе существенными доказательствами, чѣмъ ссылкой на Рэвенскрофта: онъ не былъ современникомъ Шекспира, и потому его свидѣтельство никакого значенія не имѣетъ. Обстоятельства, при которыхъ Рэвенскрофтъ высказалъ свои предположенія, окончательно подрываетъ довѣріе къ нему: прежде, чѣмъ отрицать подлинность «Тита Андроника», онъ написалъ въ 1678 г. пьесу подъ тѣмъ же названіемъ, и въ прологѣ самъ заявилъ, что драма всецѣло принадлежитъ Шекспиру, что онъ извиняется за передѣлку шекспировскаго произведенія и въ оправданіе свое можетъ только сказать, что всѣ его прибавки заимствованы исключительно изъ другихъ произведеній великаго поэта. Но въ 1687 г. онъ напечаталъ свою передѣлку безъ пролога, который будто-бы затерялся. Во введеніи къ печатному изданію онъ заявилъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ отъ человѣка, близко стоявшаго къ театру еще при жизни Шекспира, «Титъ Андроникъ» произведеніе не Шекспира, а другого автора, передавшаго ему эту драму для представленія на его сценѣ; Шекспиръ же только въ нѣсколькихъ главнѣйшихъ сценахъ сдѣлалъ кое-какія добавки и измѣненія. Только четыре года послѣ появленія передѣлки Рэвенскрофта историкъ театра Лангбень обличилъ Рэвенскрофта въ обманъ, и предложилъ ему экземпляръ будто бы потеряннаго пролога; въ доказательство того, что прологъ дѣйствительно у него имѣется, Лангбень процитировалъ изъ него восемь строкъ. Несмотря, однако, на это изобличеніе Рэвенскрофта многіе изъ новѣйшихъ критиковъ продолжаютъ держаться его теоріи, расходясь между собой только въ томъ, что приписываютъ авторство драмы различнымъ поэтамъ; одни считаютъ «Тита Андроника» произведеніемъ

Грина, другіе – Марло, иные утверждаютъ, что ее написалъ Пиль, и есть еще мнѣніе, что названные три автора написали «Тита Андроника» сообща. Всѣ эти предположенія, однако, какъ мы увидимъ, разбиваются объ то, что первое представленіе «Тита Андроника» относится къ 5 января 1594 года. Называли также Нэша и Кида въ качествѣ возможныхъ авторовъ «Тита Андроника», - но никакихъ вѣскихъ доказательствъ не было приведено въ подкрѣпленіе такой гипотезы. О сотрудничествѣ Шекспира съ Гриномъ, Марло и Пилемъ не можетъ быть и рѣчи уже потому, что Гринъ открыто обвинялъ Шекспира отъ своего имени, и отъ имени своихъ двухъ товарищей въ томъ, что онъ украшаетъ себя ихъ перьями. Нельзя, конечно, отрицать, что есть много мѣстъ въ «Титѣ Андроникѣ», взятыхъ изъ Марло, Грина и Пилия, также какъ въ трехъ частяхъ «Генриха VI-го» и въ другихъ раннихъ произведеніяхъ Шекспира. Но заимствованія у своихъ современниковъ и предшественниковъ такое постоянное явленіе въ исторіи творчества Шекспира, что изъ него не слѣдуетъ дѣлать распространительныхъ выводовъ. Между заимствованиемъ нѣсколькихъ или даже многихъ стиховъ у разныхъ авторовъ, и сотрудничествомъ съ ними очень большая разница, и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что въ данномъ случаѣ было именно сотрудничество.

Мнѣніе критиковъ относительно «Тита Андроника» очень расходятся. Теобальдъ, Фармеръ, Стивенсъ, Дрэкъ, Зингеръ, Дайсъ, Галамъ, Р. Кольриджъ и В. С. Уокеръ, отказываются признать какое-либо участіе Шекспира въ этой пьесѣ. Мэлонъ и Стаунтонъ считаютъ, что не будучи вполне авторомъ «Тита Андроника», Шекспиръ однако внесъ въ него много своего. Кэпель, Найтъ, Гервинусъ, Ульрици и многіе другіе нѣмецкіе критики приписываютъ «Тита Андроника» цѣликомъ Шекспиру.

Наиболѣе рѣзко, но вполне

неосновательно, оспариваетъ авторство Шекспира Флэй. Онъ говоритъ слѣдующее въ «Shakespeare Manual» (стр. 44): «Титъ Андроникъ» былъ представленъ сначала «слугами» Сусекса, Пемброка и Дэрби, и въ первомъ печатномъ изданіи упоминаются только эти три группы; слѣдовательно, драма пріобрѣтена была труппой Лорда Камергера уже послѣ напечатанія, - и этотъ фактъ имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ упоминаніе о «Титѣ Андроникѣ» у Мерэса, или то, что «Титъ Андроникъ» вошелъ въ Folio 1623 г.; при жизни Шекспира не было печатнаго изданія «Тита Андроника» съ его подписью». Нельзя не признать, что Флэй очень неудачно пытается ослабить авторитетъ Мерэса и Folio. Онъ забываетъ, что «Титъ Андроникъ» былъ пріобрѣтенъ прежде всего Генсло, который могъ

уступить его какой угодно труппѣ, можетъ быть даже раньше, чѣмъ Шекспиръ вступилъ самъ въ соглашеніе съ какой-нибудь отдѣльной труппой. Кромѣ того Флэй совершенно не считается съ Джонсономъ, который говоритъ слѣдующее въ своемъ предисловіи къ «Варѣоломѣевской ярмаркѣ» въ 1614 г.: «Тотъ, кто поклянется, что «Іеронимъ» или «Андроникъ» самыя лучшія пьесы, выкажетъ себя человѣкомъ твердымъ въ своихъ сужденіяхъ и не сдвинувшемся съ мѣста за послѣдніе 25 или 30 лѣтъ». Въ «Cynthia's Revels» 1600 г. упоминается о «Старомъ Іеронимѣ», представленномъ «лѣтъ двѣнадцать тому назадъ». И такъ какъ въ «Варѣоломѣевской ярмаркѣ» Джонсона встрѣчается нѣсколько не очень лестныхъ намековъ на Шекспира, то приведенныя нами слова принимаются многими, какъ доказательство того, что «Титъ Андроникъ» Шекспира появился на сценѣ между 1584-1589 годами. Но мы теперь вполнѣ твердо знаемъ, что «Титъ Андроникъ» былъ представленъ на сценѣ не ранѣе 1594 г. и поэтому не можемъ принять въ буквальномъ смыслѣ слова Джонсона о 25 или 30 годахъ. Прибавимъ также, что Джонсонъ былъ лично заинтересованъ въ пьесѣ «Старый Іеронимъ», такъ какъ получилъ плату за добавленія къ ней.

Перейдемъ теперь къ даннымъ, устанавливающимъ время появленія на сценѣ «Тита Андроника». Поэма Пиля «The Honour of the Garter» написана была къ празднеству, состоявшемуся 26 іюня 1593 года, и въ прологѣ къ ней упоминается о трагической смерти Марло, заколотого во время драки въ тавернѣ, 1 іюня 1593 г. Сидней Ли доказываетъ въ своей біографіи Шекспира (стр. 377), что поэма Пиля не могла быть написана ранѣе, чѣмъ 3 мая 1593 г. Булэнъ, въ своемъ предисловіи къ поэмѣ, приводитъ слѣдующую выписку изъ «Historical (Mss) Commissions Report», VI, стр. 227: «Поручено м-ру Варнеру, служащему у милорда, передать Георгу Пилю, поэту, изъ щедротъ милорда три фунта стерлинговъ». Милордъ, о которомъ здѣсь говорится – герцогъ Нортумбэрлендскій. Поэма Пиля слѣдовательно была написана между 3 мая и 23 іюня 1593 г. Въ «Титѣ Андроникѣ», много заимствованій изъ этой поэмы, и несомнѣнно поэтому, что эта драма написана была послѣ 26 іюня 1593 г. – и до 22 января 1594 г., когда Генсло отмѣтилъ ее какъ новую пьесу въ своемъ дневникѣ. Въ книгопродавческіе списки (Stationer's Registers) она была внесена только 6 февраля 1594 г. Всѣ эти факты вполнѣ устанавливаютъ время появленія «Тита Андроника», которое должно быть отнесено къ началу января 1594 г.

Доказательства, что въ «Титѣ Андроникѣ» много заимствованій изъ поэмы Пиля, слишкомъ многочисленны, чтобы можно было воспроизвести ихъ всѣ здѣсь. Отсылаемъ читателя къ помѣщенной въ Shakespeare's Jahrbücher, т. 36 (1900 года) статьѣ Чарльса Кроуфорда (стр. 109-121); изъ этой статьи мы приводимъ лишь нѣсколько наиболѣе поражающихъ сопоставленій поэмы Пиля съ «Титомъ Андроникомъ». Вотъ, напримѣръ, одно мѣсто изъ поэмы Пиля:

- »Hail, Windsor! Where J sometimes took delight

- In my return from France –
Lo? From the House of Fame, with princely trains
Accompanied, and Kings, and conquerors,
And Knights of proof, loyal and valorous,
I re-salute thee here and gratulate» и т. д.

т.-е.:

Привѣтъ тебѣ, Виндзоръ, гдѣ я иногда находилъ отраду
По возвращеніи изъ Франціи.
Смотри, изъ дома славы, выходятъ съ царственнымъ
блескомъ
Окруженные свитой, и короли, и завоеватели,
И доблестные рыцари, вѣрные и мужественные.
Я вновь привѣтствую тебя и поздравляю. и т. д.

Слѣдующее мѣсто въ «Титѣ Андроникѣ» явное подражаніе
приведеннымъ стихамъ:

- »Hail, Rome, victorious in thy mourning weeds!
Lo! as the bark, that hath discharged her fraught,
Returns with precious lading to the bay,

179

Cometh Andronicus, pound with laurel boughs
To re-salute his country with his tears,
Tears af true joy for his return to Rome».

т. е.:

Привѣтъ тебѣ, о Римъ – побѣдоносный
И въ траурѣ! Подобно кораблю,
Когда, освободясь отъ груза, входитъ
Онъ съ цѣнными товарами въ ту гавань,
Гдѣ якоря онъ поднялъ – такъ Андроникъ,
Вѣнчанный лавромъ родину свою
Привѣтствуетъ счастливыми слезами,
Вернувшись въ Римъ...
(Дѣйствіе I, сц. 3-я, ст. 7-13).

Сходство дѣйствительно очевидное, и странно, что никто не
воспользовался этимъ до Кроуфорда для опредѣленія времени созданія
«Тита Андроника», Кроуфордъ приводитъ девять цитатъ изъ «Тита

Андроника», сопоставляя ихъ съ соотвѣтствующими мѣстами въ поэмѣ Пиля; эти сопоставленія доказываютъ совершенно неопровержимо, что Шекспиръ пользовался поэмой Пиля. Слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующіе обращенные къ Саутгемптону стихи въ «Honour of the Garter»:

Then the brave Earls of Stafford and Southampton;
To whose successors, for his sake that lives
And now survives in honour of that name
To whom my thoughts are humble and devote,
Gentle Wriothesly, Southampton's star,
I wish all fortune, that in Cynthia's eye,
Cynthia the glory of the western world,
With all the stars in her fair firmament.
Bright may he rise and shine immortally и т. д.
(The Garter, стихи 209-217).

т. е.

Тогда явились доблестные герцоги Стафордскій и
Саутгемптонскій;
Его пріемнику, во имя того, который живетъ
Посмертной жизнью въ славѣ своего рода,
Того, кому смиренно и преданно поклоняется мой умъ,
Любезный Райотсли, звѣзда Саутгемптона,
Тебѣ я желаю все счастье, заключенное во взорѣ Цинтіи,
Цинтіи³, красы востока,
И всѣхъ звѣздъ на свѣтломъ небосклонѣ.
Да взойдетъ онъ въ сіяніи и блистаетъ безсмертно.

Въ «Титѣ Андроникѣ» мы встрѣчаемъ въ рѣчи Вассіана буквальные совпаденія съ этимъ обращеніемъ:

B a s s . – Marcus Andronicus, so I do affy,
In thy uprightness and intergity,
And so I love and honour thee and thine,
Thy noble brother Titus and his sons,
And her to whom my thoughts are humbled all,
Gracious Lavinia, Rome's rich ornament.
(«Титѣ Андроникѣ» I, 1, ст. 47-52).

т. е.:

Я вѣрю, Маркъ Андроникъ, въ прямоту
И честь твою. Настолько мной любимы
И чтимы ты, и братъ твой съ сыновьями,
Титъ доблестный, и украшеніе Рима
Лавинія, *предъ кѣмъ смиряюсь духомъ.*

Кроуфордъ прибавляетъ, что слова «украшеніе Рима» (Rome's rich ornament), которыми Шекспиръ замѣнилъ выраженіе «звѣзда Сауттемптона», взяты изъ пролога къ поэмѣ Пилы (And clothest Mathesis in rich ornaments). Заимствованія изъ поэмы Пилы въ «Титѣ Андроникѣ» представляютъ большой интересъ; они, быть можетъ, прольютъ нѣкоторый свѣтъ на неразрѣшенный до сихъ поръ вопросъ о соперникѣ Шекспира, упоминаемомъ столь часто въ сонетахъ. Многіе принимали Чапмана за соперника Шекспира въ милостяхъ Сауттемптона, но въ виду данныхъ, открытыхъ Кроуфордомъ, становится весьма вѣроятнымъ, что этимъ соперникомъ былъ Пилъ. Рѣшеннымъ этотъ вопросъ нельзя считать, потому что теорія Кроуфорда возникла очень недавно, и не подверглась еще тщательной провѣркѣ, которая привела бы къ вполнѣ опредѣленнымъ выводамъ. Но во всякомъ случаѣ, изъ сопоставленныхъ имъ датъ вполнѣ выясняются два факта: во 1-хъ, - ни Пилъ, ни Гринъ, ни Марло не имѣли никакого отношенія къ «Титу Андронику». Грина и Марло уже не было въ живыхъ въ то время, а что касается Пилы, то годъ его смерти хотя не установленъ, но все что осталось изъ его произведеній, написано до 1594 г. Во 2-хъ, отголоски произведеній Грина, Пилы и Марло въ «Титѣ Андроникѣ» (и по всей вѣроятности также въ «Генрихѣ VI-мъ»), прямые подражанія или заимствованія у нихъ; это объясняетъ также нападки Грина, повторенные потомъ въ прологѣ къ «Honour of the Garter». Одинъ изъ издателей «Shakespeare's Jahrbücher»⁴, Вольфгангъ Келлеръ весьма рѣшительно утверждаетъ въ примѣчаніи къ статьѣ Кроуфорда, что нападки Грина и Пилы относились къ Шекспиру какъ къ актеру, но ничѣмъ не доказываетъ этого предположенія.

Такимъ образомъ время появленія «Тита Андроника», можно считать вполнѣ установленнымъ. Драма эта относится къ началу

1594 г. Извѣстно, что въ 1596 г. уже появился на сценѣ «Венеціанскій купецъ», въ которомъ Шекспиръ проявилъ полную зрѣлость своего генія. Удивительно поэтому, что только два года раздѣляютъ такое мастерское произведеніе отъ столь грубой, кровожадной пьесы, какъ «Титъ Андроникъ». Но вѣкъ Елисаветы былъ временемъ самыхъ странныхъ контрастовъ. Нѣжная лирическая поэзія этой эпохи увлекала даже суровыхъ воиновъ и искателей приключеній, проводившихъ всю жизнь въ кровавыхъ подвигахъ. И та же публика, которая умилялась и плакала надъ нѣжными любовными сценами, одинаково восторгалась дикими сценами

въ «Испанской трагедіи» Кида, или «Іеронимъ», или въ «Титъ Андроникъ». Любовь къ грубому и жестокому – одна изъ характерныхъ чертъ того времени, и какъ это ни прискорбно, нужно признать и Шекспира сыномъ своего времени. Его современники любили кровь на сценѣ, и Шекспиръ, изображавшій съ такою нѣжностью и поэтичностью фей въ «Снѣ въ лѣтнюю ночь», и уже готовившійся создать нѣжные образы Джульетты и Порціи, написалъ «Тита Андроника», удовлетворяющаго грубымъ вкусамъ публики. Не слѣдуетъ безразсудно восторгаться всѣмъ, что писалъ Шекспиръ, - эти восторги болѣе повредили славѣ великаго поэта, чѣмъ всѣ нападки его враговъ, и въ значительной степени способствовали народненію и развитію такихъ безсмысленныхъ походовъ противъ Шекспира, какова, напримѣръ пресловутая «Бэконовская теорія».

Если безпристрастно взглянуть во всѣ пьесы Шекспира ранняго періода, то во всѣхъ нихъ отыщутся явные слѣды грубости вкуса. Вся «Комедія ошибокъ» написана въ очень грубомъ тонѣ. Столь же грубы проклятія и ругань Маргариты и другихъ женщинъ въ «Генрихъ VI-мъ», а также ухаживанія Ричарда III-го за Анной, и весь духъ трагедіи «Ричардъ III-й». «Укрощеніе строптивой», «Виндзорскія кумушки», «Все хорошо, что хорошо кончается», - всѣ эти пьесы, первоначальные наброски которыхъ относятся къ раннему періоду творчества Шекспира, сохраняютъ даже сквозь позднѣйшія переработки неизгладимые слѣды грубости. Даже въ такой пьесѣ, какъ «Два Веронца», первой, въ которой Шекспиръ занялся тонкой психологической разработкой характеровъ, - есть слѣды грубости въ концѣ, гдѣ Валентинъ предлагаетъ уступить Сильвію своему невѣрному другу Протею.

Въ раннихъ пьесахъ Шекспира психологическая разработка характеровъ почти совершенно отсутствуетъ. Поэтъ старается заинтересовать читателей главнымъ образомъ увлекательностью фабулы. Въ «Двухъ Веронцахъ», Шекспиръ пользуется для выясненія характеровъ главныхъ героевъ методомъ контрастовъ, противопоставляя другъ другу рѣзко отличающихся по натурѣ людей. Этотъ приѣмъ сохраненъ болѣе или менѣе во всѣхъ пьесахъ Шекспира, относящихся къ первому или второму періоду, т. е. до «Юлія Цезаря» включительно. Въ «Двухъ Веронцахъ» противопоставлены не только Валентинъ и Протей, но также Сильвія и Юлія, и даже Лаунсъ и Спидъ. Но въ «Титъ Андроникъ» нѣтъ намека на психологическій анализъ. Въ характеръ самого героя «Тита Андроника» нѣтъ никакой цѣльности и послѣдовательности. Онъ отомстилъ за своихъ сыновей, убитыхъ на войнѣ, убійствомъ Аларба, сына готской царицы Таморы, и ея отчаянныя мольбы о пощадѣ не умиливали его. А потомъ, когда она, безъ его помощи, сдѣлалась императрицей, женой Сатурнина, онъ почему-то разсчитываетъ на ея благодарность за то, что онъ возвысилъ ее, плѣнницу, до такого почетнаго положенія:

Но не въ долгу-ль она у человѣка,
Что издали привезъ ее къ величью?

Поступки и чувства у Тита не вытекаютъ изъ внутреннихъ психологическихъ причинъ, а вполне зависятъ отъ обстоятельствъ, въ которыхъ его ставитъ поэтъ. У него нѣтъ характера, и онъ весь во власти внѣшнихъ вліяній. Отсутствіе какой-либо опредѣленности характера еще болѣе поражаетъ въ Таморѣ. Когда опасность угрожаетъ ея сыну, она трогательно молить о пощадѣ. Но когда два другихъ ея сына довѣряютъ ей свое намѣреніе обезчестить Лавинію, она совѣтуетъ имъ вырвать языкъ у ихъ жертвы, для того, чтобы она не могла выдать своихъ оскорбителей. Очевидно, что такая безчеловѣчность не совмѣстима съ нѣжнымъ мастерскимъ чувствомъ, проявляющимся въ ея мольбахъ о пощадѣ сына. Но Шекспиръ совершенно не заботился о психологической выдержанности характера Таморы, какъ и другихъ дѣйствующихъ лицъ кровавой драмы, рассчитанной на кровожадный вкусъ зрителей. Ааронъ созданъ явно по образцу «Мальтійскаго жида» Марло. Въ драмахъ Марло,

181

вплоть до «Эдуарда II-го», нѣтъ и намека на разработку характеровъ. Его герои, подобно героямъ стараго французскаго театра, дѣйствуютъ подъ вліяніемъ одной владѣющей ими страсти. Варава, мальтійскій жидъ, и Ааронъ въ «Титъ Андроникъ» имѣютъ одну общую черту: ненависть ко всему челоуѣчеству, и выражаютъ ее почти одними и тѣми же словами. Вотъ слова Аарона:

Подобное проклятье
Къ немногимъ днямъ относится, когда я
Не совершалъ значительнаго зла,
Не убивалъ, не замышлялъ убійства,
Не совершалъ насилья, иль другого
Не подъячалъ къ нему.

(Дѣйствіе V, сц. 2).

И почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, изливаетъ свои чувства Варава въ «Мальтійскомъ жидѣ» (Дѣйствіе II, сц. 2).

Что касается меня, то я выхожу по ночамъ
И убиваю больныхъ, стонущихъ у городскихъ стѣнъ
Иногда я хожу и отравляю колодцы;
А иногда, чтобы угодить христіанамъ ворами
Я готовъ потерять часть моихъ червонцевъ,
Чтобы, гуляя по террасѣ моего дома

Смотрѣть, какъ ихъ ведутъ связанными мимо моихъ дверей.

А Ааронъ и Варава, раскрываютъ свои души передъ зрителями, и съ трогательной наивностью, подобно Ричарду III-му, признаются въ своей низости.

Лавинія представлена въ двухъ совершенно различныхъ видахъ: во 1-хъ, какъ добрая, любящая дочь и жена, а, во 2-хъ, въ несравненно менѣе привлекательномъ образѣ, въ сценѣ между ея мужемъ и Таморой, гдѣ она напоминаетъ сварливыхъ женщинъ изъ «Ричарда III-го». Шекспиръ и не пытается придать какую-либо цѣльность ея характеру, также, какъ и характерамъ другихъ дѣйствующихъ лицъ «Тита Андроника».

Было бы ошибочно, однако, приписать отсутствіе характеровъ въ «Титѣ Андроникѣ» исключительно молодости Шекспира. Ему было 30 лѣтъ, когда «Титъ Андроникъ» появился на сценѣ. Въ «Ромео и Джульеттѣ», относящейся, по всей вѣроятности, къ позднѣйшимъ мѣсяцамъ того же 1594 года, характеры разработаны уже съ геніальнымъ мастерствомъ. Въ комедіи «Все хорошо, что хорошо кончается», которую я считаю позднѣйшей разработкой упомянутой Мересомъ въ 1598 году Шекспировской же комедіи «Вознагражденныя усилія любви», есть отголоски прежней грубости; перерабатывая первый набросокъ, Шекспиръ не смогъ вполнѣ уничтожить въ характерѣ Елены, грубость первообраза ея въ ранней пьесѣ. «Титъ Андроникъ», представленный въ 1591 г., быть можетъ тоже былъ переработкой, написанной раньше трагедіи. Въ первомъ наброскѣ Люцій былъ Веспесіаномъ, сыномъ Тита Андроника, выбраннымъ потомъ въ римскіе императоры; Тамора, готская царица, была эфиопской царицей, захваченной въ плѣнъ Андроникомъ и привезенной имъ въ Римъ, вмѣстѣ съ ея любовникомъ Аарономъ и ея сыновьями. Лавинія носила имя Андроники. Эта первоначальная версія «Тита Андроника», на которую указываетъ нѣмецкая пьеса, вѣроятно, какъ и первая версія «Вознагражденныхъ усилій любви», повредила разработкѣ характеровъ въ позднѣйшей, окончательной передѣлкѣ трагедіи. Но весьма возможно, что Шекспиръ даже не пытался создать характеры въ «Титѣ Андроникѣ». Выбравъ такой сюжетъ, какъ кровавая исторія Тита Андроника, онъ, по всей вѣроятности, считалъ лишнимъ удѣлять вниманіе разработкѣ характеровъ.

Источникъ, изъ котораго Шекспиръ могъ почерпнуть фабулу «Тита Андроника», пока еще не открытъ.

Мы думаемъ, что «Титъ Андроникъ» всецѣло, отъ начала и до конца, принадлежитъ Шекспиру. Это явствуетъ изъ многихъ общихъ чертъ этой драмы съ другими ранними произведеніями Шекспира. На нѣкоторыя изъ нихъ можно указать. Мы уже сказали, что «Титъ Андроникъ» отдѣленъ отъ «Венеціанскаго купца» всего двумя годами. Но, если сравнить нѣкоторыя характерныя мѣста въ обѣихъ пьесахъ, то передъ нами, какъ бы съ одной стороны робкія попытки неопытнаго юноши, съ другой – легкость мастера, увѣреннаго въ своихъ силахъ и умудреннаго долгимъ опытомъ. Тамора говоритъ:

Ты хочешь ли богоподобнымъ стать?
Ты станешь имъ, явивъ мнѣ милосердье.
Лишь въ немъ души величіе.
(Дѣйствіе I, сц. 2).

Какъ это слабо въ сравненіи со словами Порціи въ «Венеціанскомъ купцѣ», но мысль та же.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что приведенное мѣсто, связывающее «Тита» съ «Венеціанскимъ купцомъ» отнюдь не одиноко въ своемъ шекспировскомъ тонѣ. Какъ

182

хорошо говорить Титъ о своихъ сыновьяхъ, спящихъ въ могилахъ:

«Repose you here
Secure from wordly chanhes and mishaps!
Here lurks no treason, here no envy swells,
Here grow no damned drudges here no storms,
No noise but silence and eternal sleep».

Т. е.: «Покойтесь тутъ. Въ безопасности отъ земныхъ случайностей
И злключеній вы найдете себѣ здѣсь отдыхъ.

Здѣсь не стережетъ васъ измѣна и не разгорается зависть;

Здѣсь не вырастаетъ проклятая злоба, нѣтъ ни бурь, ни шума – только
молчаніе и вѣчный сонъ».

Это и многія другія мѣста показываютъ, что «Титъ Андроникъ» носить
на себѣ такіе слѣды шекспировской руки, въ которыхъ нельзя ошибиться.
Даже такіе стихи, какъ:

«My Lord, what I have done, as best I may
Answer I must, and shall do with my life» -

Я, государь, за то, что совершилъ,
Отвѣчу, какъ могу: моею жизнью.

(Дѣйствіе I, сц. 1).

звучать для уха привычно, какъ что-то давно нами читанное у Шекспира.
Такъ, первый же актъ, состоящій только изъ одной сцены, сразу дѣлаетъ
яснымъ, что мы имѣемъ дѣло съ великимъ поэтомъ. Луцій говоритъ въ
концѣ акта!

«That what we did was mildly as we might».

Т. е. «То, что мы сдѣлали, было настолько кротко, настолько для насъ
возможно».

Это чисто шекспировскій стиль, и онъ выдержанъ во всей пьесѣ, доказывая несомнѣнную связь автора «Тита Андроника» съ мастеромъ, создавшимъ «Венеціанскаго купца», и другими произведеніями ранняго періода Шекспира.

Начало II акта связано общими чертами съ первой частью «Генриха VI-го». Все, что Ааронъ говоритъ Таморѣ, вполнѣ напоминаетъ слова Суссекса, обращенныя къ королевѣ Маргаритѣ въ «Генрихѣ VI-мъ». Нѣсколько дальше Деметрій говоритъ:

She is a woman, therefore may be wooed;
She is a woman, therefore may be won.

Т. е. «Она женщина, слѣдовательно ее можно желать; она женщина, слѣдовательно, ею можно завладѣть».

Та же мысль встрѣчается въ сонетахъ въ «Генрихѣ VI» и въ «Ричардѣ III». Въ послѣднемъ форма немного измѣнена:

«Was ever woman in this humour wooed?
Was ever woman in this humour won?
Была-ль когда такъ ведена любовь?
Была-ль когда такъ женщина добыта?
(Дѣйствіе I, сц. 2).

Во второй и третьей сценахъ II акта, въ сценѣ охоты, такъ много истинно шекспировскаго, что даже тѣ, которые отрицаютъ принадлежность «Тита Андроника» Шекспиру, допускаютъ, что эти сцены имъ написаны. Это наиболѣе поэтичныя мѣста во всей пьесѣ, но въ драмѣ есть и помимо нихъ много прекрасныхъ отдѣльныхъ мѣстъ. Такъ какъ 1594 г. составляетъ средину періода Сонетовъ, то неудивительно, что въ «Титѣ Андроникѣ» встрѣчается много отголосковъ шекспировскихъ сонетовъ. Слѣдующіе стихи, напримѣръ, вполнѣ напоминаютъ извѣстное мѣсто въ «Сонетахъ».

«O had the monster seen those lily hands
Tremble, like aspen leaves, upon a lute
And make the silken strings delight to kiss them».

Т. е.: «О, если бы чудовище видѣло, какъ эти лилейныя руки

Дрожать на лютнѣ, какъ листва осины,
И шелковыя струны въ восторгѣ цѣлуютъ ихъ».
(Актъ II, стр. 4).

Въ третьемъ актѣ есть мѣсто, напоминающее ту сцену «Юлія Цезаря», гдѣ трибуны предлагаютъ Римлянамъ собрать всѣхъ бѣдняковъ и привести ихъ на берегъ рѣки оплакивать смерть Помпея. Приблизительно также въ первой сценѣ III акта Титъ говоритъ:

«And in the fountain shall we gaze so long
Till the fresh taste be taken from that clearness,

And made a brine pit with our bitter tears».

И будемъ всѣ глядѣть въ него (т. е. въ ручей) покуда
Свой сладкій вкусъ струи не потеряютъ,
Въ разсолъ – отъ слезъ горячихъ превратясь.

Въ VI актѣ, стихъ

«But let her rest in her unrest awhile -

Но пусть она покоится въ тревогѣ (сц. 2).

первоначально взятый изъ «Іеронима», повторяется въ нѣсколькихъ
шекспировскихъ пьесахъ. А слова:

183

«Although my seal be stamped in his face».

«Хотя моей печатью онъ отмѣченъ».

напоминаютъ одно мѣсто въ «Эдуардъ III-мъ» (дѣйствіе II, сцена I).

«He, that doth clip or counterfeit your stamp,
Shall die, my lord; and will your sacred self
Commit high treason gainst the King of Heaven,
To Stamp his image in forbidden metal».

Тотъ, кто урѣзываетъ или поддѣлываетъ вашу печать,
Подвергается казни, государь, а ваша священная особа хочетъ
Свершить предательство Небеснаго Царя,
Отпечатлѣвъ его образъ на недостойномъ металлѣ.

Кромѣ того, въ послѣднихъ актахъ есть много истинно поэтическихъ
мѣстъ, которыхъ нельзя привести въ прямую связь съ той или другой
опредѣленной пьесой Шекспира.

И вотъ почему, съ какой бы радостью мы ни были готовы переложить
отвѣтственность за «Тита Андроника» на какого-нибудь современнаго
драматурга, - невозможно отрицать, что рука Шекспира видна во всей
пьесѣ. Мы уже знаемъ, что вкусъ одновременно и къ кровавому и къ
нѣжному присуцъ многимъ изъ современниковъ Шекспира, но такъ какъ
такое сочетаніе противоположныхъ качествъ нынѣ для насъ непостижимо,
то мы лишь съ большой неохотою соглашаемся приписывать ее Шекспиру.
Эта-то неохота и была матерью попытки отрицать авторство его въ нашей
пьесѣ. Неблагодарно, однакоже, смотрѣть на Шекспира, какъ на какую-то
литературную Минерву, которая выскочила изъ головы Юпитера зрѣлая и

въ полномъ вооруженіи. Такое шекспиропоклонство приносить болѣе вреда, чѣмъ добра. Въ дѣйствительности, если мы пустимъ въ ходъ всѣ средства, которыя шекспирологія нашихъ дней даетъ намъ въ руки, для излѣдованія произведеній нашего поэта, то многое изъ того, что не принадлежитъ его личному генію, упадетъ, но за то остальное только выиграетъ отъ этого процесса. «Титъ Андроникъ» пропитанъ кровожаднымъ вкусомъ того времени, но въ немъ есть отдѣльныя мѣста большой поэтической красоты, которыя связываютъ его съ прочими произведеніями поэта.

Робертъ Бойль.⁵

184

ТИТЪ АНДРОНИКЪ.

Дѣйствующія лица:

Сатурнинъ; сынъ послѣдняго римскаго императора.

Вассіанъ, братъ Сатурнина.

Титъ Андроникъ, благородный римлянинъ.

Маркъ Андроникъ, братъ Тита.

Луцій	}	сыновья Тита Андроника.
Квинтъ		
Муцій		
Марцій		

Публий, сынъ Марка Андроника.

Эмилій, благородный римлянинъ.

Аларбъ		}	сыновья Таморы.
Дементій			
Хиронъ			

Ааронъ, мавръ.

Военачальникъ, трибунъ, вѣстникъ, шутъ, римляне.

Тамора, царица готовъ.

Лавинія, дочь Тита Андроника.

Кормилица и черный ребенокъ.

Родственники Тита, трибуны, сенаторы, вожди, воины, служители.

Мѣсто дѣйствія – Римъ и окрестности Рима.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Трубы. Трибуны и сенаторы наверху. Входятъ съ одной стороны Сатурнинъ и его приверженцы, съ другой – Вассіанъ и его приверженцы. Развѣвajícíся знамена, барабанный бой.

САТУРНИНЪ.

Достойные патриціи и правъ
Моихъ оплотъ. Сограждане, друзья,
Доставьте мнѣ мечомъ своимъ наслѣдье.
Я – первородный сынъ того, кто въ Римѣ
Носилъ послѣднимъ цезарскій вѣнецъ.
Во мнѣ отца величье оживите,
Правъ старшинства постыдно не поправъ.

ВАССИАНЪ.

О, римляне, приверженцы, друзья, –
Коль скоро взору царственнаго Рима
Былъ Вассіанъ, сынъ цезаря, любезень –
Храните здѣсь вы въ Капитолій входъ,
Не потерпѣвъ, чтобъ къ цезарскому трону,
Что посвященъ добру и благородству,
И правотѣ – приблизилось безчестье.
Пусть выборомъ заслуги озарятся,
Сразитесь же за вашъ свободный выборъ.

Наверху показывается Маркъ Андроникъ съ короною въ рукахъ.

МАРКЪ АНДРОНИКЪ.

Вы, съ помощью друзей и партій, принцы,
Стремящіеся къ власти и вѣнцу,
Узнайте: римскимъ цезаремъ народъ,
Что представляемъ нами – избираетъ
Андроника того единогласно,
Кѣмъ за его великія заслуги
Получено отъ римлянъ имя Пія.
Достойнѣйшаго мужа, и бойца
Храбрѣйшаго – нѣтъ въ городскихъ стѣнахъ.
Сенатомъ онъ съ войны отозванъ трудной,

Которую ведетъ онъ противъ готовъ.
Онъ съ сыновьями – ужасомъ враговъ –

185

*<На странице расположена иллюстрация рисунка Джильберта (Gilbert)
«Рѣчь Сатурнина».>*

Смирилъ народъ воинственный и сильный,
И десять лѣтъ минуло, какъ защитой
Онъ Риму сталъ, казня враговъ гордыню
Оружіемъ. Пять разъ онъ возвращался
Израненный, и привозилъ въ гробу
Онъ сыновей отважныхъ съ поля брани.
Обремененный почестями, нынѣ
Вернулся въ Римъ Андроникъ добрый, Титъ
Прославленный – расцвѣтъ славы ратной.
Итакъ, молю отъ имени того,
Кому бы вы преемника желали
Достойнаго, во имя правъ сената
И Капитолія, цѣнимыхъ вами –
Васъ разойтись и, положивъ оружье,
И распустивъ друзей, заслуги ваши
Отстаивать, какъ подобаетъ
Просителямъ, въ смиреніи и мирѣ.

САТУРНИНЪ.

Какъ мой порывъ смирятъ рѣчь трибуна!

ВАССИАНЪ. ВСѢ

Я вѣрю, Маркъ Андроникъ, въ прямоту
И честь твою. Настолько мной любимы

186

И чтимы ты и братъ твой съ сыновьями –
Титъ доблестный, и украшенъ Рима -

Лавинія, предъ кѣмъ смиряюсь духомъ,
Что преданныхъ друзей я распущу
И возложу я на вѣсы народной
Ко мнѣ любви и счастья – выборъ мой.

(Приверженцы Вассіана уходятъ).

САТУРНИНЪ.

Благодарю, стоявшіе за право
Мое, друзья. Я распускаю васъ.
Любви и благосклонности отчизны –
Себя ввѣряю и мои права.

(Приверженцы Сатурнина уходятъ).

Будь милостивъ и справедливъ, о Римъ,
Какъ я къ тебѣ почтительно довѣрчивъ.
Откройте же ворота мнѣ.

ВАССИАНЪ.

Трибуны,
Пусть я взойду, какъ скромный соискатель.

Вассіанъ и Сатурнинъ входятъ въ сенатъ и Капитолій.

СЦЕНА II.

Тамъ-же.

Входятъ военачальникъ и другіе.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Дорогу, римляне! Андроникъ добрый,
Охрана добродѣтели и лучшій
Воитель нашъ, побѣдоносный въ битвахъ,
Со славою изъ тѣхъ вернулся странъ,
Гдѣ онъ провелъ мечомъ своимъ границу
И наложилъ на недруговъ ярмо.

Трубы и барабаны. Входятъ два сына ТИТА, за ними люди, несущіе гробъ, покрытый чернымъ. За гробомъ ТИТЪ АНДРОНИКЪ, потомъ ТАМОРА съ АЛАРБОМЪ, ХИРОНОМЪ, ДЕМЕТРИЕМЪ, ААРОНОМЪ и другими плѣнными готами, воины и народъ. Гробъ ставятъ на землю.

ТИТЪ АНДРОНИКЪ.

Привѣтъ тебѣ, о Римъ – побѣдоносный
И въ траурѣ! Подобно кораблю,
Когда, освободясь отъ груза, входитъ
Онъ съ цѣнными товарами въ ту гавань,
Гдѣ якоря онъ поднялъ – такъ Андроникъ,
Вѣнчанный лавромъ – родину свою
Привѣтствуетъ счастливыми слезами,
Вернувшись въ Римъ. Присутствіемъ почти,
Защитникъ Капитолія великій,
Обрядъ, что здѣсь готовится. О Римъ,
Изъ двадцати пяти сыновъ отважныхъ –
(Пріамъ имѣлъ ихъ вдвое) – вотъ остатки
Живыхъ и мертвыхъ. Тѣхъ, кто уцѣлѣлъ –
Пусть Римъ родной вознаградитъ любовью,
А тѣхъ, кого везу въ пріютъ послѣдній –
Могилами среди ихъ предковъ. Готы
Позволили оружье мнѣ сложить.
Жестокій Титъ, безчувственный къ ближайшимъ,
Допустишь ли сыновъ непогребенныхъ
Блуждать вдоль грозныхъ Стикса береговъ?
Съ ихъ братьями ихъ положите рядомъ.

(Склепъ открываютъ).

Привѣтъ безмолвный мертвымъ подобаешь!
За родину вы пали, спите съ миромъ.
Всѣхъ радостей вмѣстилище святое,
И доблести, и благородства храмъ –
Сколькихъ сыновъ берешь ты у меня
Съ тѣмъ, чтобы ихъ не возвратить во вѣки.

Луцій.

Дай плѣнника знатнѣйшаго изъ готовъ,
Чтобъ мы его, на части изрубивъ,
Ad manes fratrum на кострѣ сожгли
Передъ земной темницей ихъ костей,
И тѣни ихъ, найдя успокоенье,
Не стали-бъ насъ тревожить на землѣ.

Титъ.

Знатнѣйшаго даю изъ всѣхъ живущихъ,
Онъ – старшій сынъ царицы злополучной.

Тамора.

Постойте, братья римляне! О, Титъ,
Великій побѣдитель, надъ слезами,

Которыя лѣтъ мать о сынѣ – сжался.
Когда любилъ ты сыновей, - подумай,
Что своего не меньше я люблю.
Ужели не довольно, что подвластнымъ
Тебѣ и гнету римскому – ведутъ
Насъ въ Римъ за тѣмъ, чтобъ твой триумфъ украсить?
Но сверхъ того на улицѣ падетъ
Мой сынъ за то, что защищалъ отчизну?
Когда стоять за власть и государство
Священный долгъ, онъ и для насъ таковъ.
Титъ, не пятнай своей могилы кровью!
Ты хочешь ли богоподобнымъ стать?
Ты станешь имъ, явивъ мнѣ милосердье.
Лишь въ немъ – души величіе. О, трижды
Великій Титъ, надъ первенцемъ ты сжался.

Титъ.

Смирись, царица, и прости меня.
Предъ вами здѣсь – живые братья тѣхъ,
Которыхъ готы мертвыми видали,

187

И требуютъ благочестиво жертвы
За умерщвленныхъ братьевъ. Обречень
Твой первенецъ и умереть онъ долженъ,
Чтобъ страждущія тѣни успокоить.

Луцій.

Увестъ его. И тѣло на костръ
Мечомъ рубить до той поры мы будемъ,
Пока оно не обратится въ пепель.

(Уходятъ съ Аларбомъ, Луціей, Квинъ, Марціей и Муціей).

ТАМОРА.

Какой обрядъ безбожный и жестокий.

Хиронъ.

И Скиѳія бывала ль вполонину
Столь варварской⁶.

ДЕМЕТРІЙ.

Съ честолюбивымъ Римомъ
Не сравнивай ее. Покой – Аларбу,
А мы въ живыхъ останемся затѣмъ,
Чтобъ трепетать предъ грознымъ взоромъ Тита.
Будь твердою, царица, уповай,
Что боги тѣ, при помощи которыхъ
Троянская царица отомстила
Въ его шатрѣ фракійскому тирану –
Дадутъ возможность и царицѣ готовъ
(Когда была царицею Тамора,
А готы были готами), - съ врагомъ
За кровныя обиды расплатиться.

Возвращаются Луцій, Квинтъ, Марцій и Муцій съ окровавленными мечами

ЛУЦІЙ.

Отецъ и вождь! Мы римскій нашъ обычай
Исполнили. Изрубленные члены
И внутренность Аларба – служатъ пищей
Для пламени, чей дымъ восходитъ къ небу,
Какъ фиміамъ. Теперь схоронимъ братьевъ,
Привѣтствуя ихъ въ Римѣ звукомъ трубъ.

ТИТЪ.

Да будетъ такъ. И къ душамъ ихъ Андроникъ
Здѣсь обратитъ послѣднее прости.

(Трубы. Тѣла вносятъ въ склепъ).

Сыны мои, со славой спите въ мирѣ.
Покойтесь, Рима лучшіе бойцы,
Вдали отъ всѣхъ случайностей и бѣдствій!
Не сторожитъ измѣна здѣсь, и зависть
Съ проклятою враждою – не растеть.
Нѣтъ шума, бурь, - но вѣчный сонъ, безмолвье!
Сыны мои, со славой спите въ мирѣ.

Входитъ Лавинія.

ЛАВИНІЯ.

Титъ доблестный, живи съ почетомъ, въ мирѣ
Ты много лѣтъ! Отецъ и повелитель,
Живи со славой. На могилу братьевъ
Обычную дань слезъ я приношу;
У ногъ твоихъ я проливаю слезы

Отъ счастья, что ты вернулся въ Римъ.
Благослови меня рукой побѣдной,
Которую цвѣтъ римскихъ гражданъ славить.

Титъ.

Съ любовью, Римъ, чтобъ радовать мнѣ сердце –
Ты старости утѣху сохранилъ.
Лавинія, переживи отца,
Твоя же добродѣтель – вѣчность славы.

Входятъ МАРКЪ АНДРОНИКЪ, ВАССИАНЪ, САТУРНИНЪ и др.

МАРКЪ.

Да здравствуетъ мой братъ любимый Титъ,
Любезный взорамъ римлянъ побѣдитель!

Титъ.

Благодарю, трибунъ, мой братъ достойный!

МАРКЪ.

Племянники, съ побѣдами и васъ
Привѣтствую: живыхъ и спящихъ въ славѣ.
Патриціи, что обнажали мечъ
За родину – вы счастьемъ сравнялись,
Но торжество вѣрнѣйшее – посмертно:
Съ нимъ счастья Солона вы достигли,
На ложѣ смерти восторжествовавъ
Надъ каждою случайностью. Андроникъ,
Народъ, кому ты вѣрнымъ другомъ былъ,
Черезъ посредство своего трибуна,
Шлетъ палліумъ, что непорочно бѣлъ,
Тебя въ число наслѣдниковъ престола
Съ наслѣдниками цезаря включивъ.
Надѣнь его – и помоги главу
Ты Риму дать, который обезглавленъ.

Титъ.

Нужна для тѣла славнаго глава
Получше той, которая трясется
Отъ слабости и лѣтъ. Уборъ надѣну,
Чтобъ васъ смутить? Сегодня буду избранъ
Я съ кликами, а завтра же сложу
Я власть и жизнь, вамъ снова давъ заботу?
Римъ, за тебя я бился сорокъ лѣтъ

И счастливо военной силой правилъ,
 И витязями ставшихъ въ полѣ ратномъ,
 Съ оружіемъ за Римъ погибшихъ съ честью –
 Изъ сыновей я двадцать одного
 Похоронилъ. Почетный посохъ дайте,

Не скипетръ мнѣ – чтобъ міромъ управлять:
 Его держалъ послѣдній цезарь твердо.

МАРКЪ.

Потребуй, Титъ, и царство ты получишь.

САТУРНИНЪ.

Что знаешь ты, трибунъ честолюбивый?

ТИТЪ.

Терпѣнье, принцъ.

САТУРНИНЪ.

Явите справедливость
 Мнѣ, римляне. Мечи вы обнажите,
 Патриціи, и не влагайте ихъ,
 Покуда я не буду императоръ.
 О, лучше бы сошелъ Андроникъ въ адъ,
 Чѣмъ у меня отнять сердца народа.

ЛУЦІЙ.

Принцъ гордый! Титъ великодушный хочетъ
 Тебѣ добра, а ты ему мѣшаешь...

ТИТЪ.

Они къ тебѣ вернутся, еслибъ даже
 Отъ нихъ самихъ отторгнулъ я сердца.

БАССИАНЪ.

Андроникъ, я не лъщу тебѣ, но буду
 Тебя до смерти чтить. Когда своими
 Друзей моихъ захочешь подкрѣпить –
 Признателенъ тебѣ я буду вѣчно,

Для славныхъ же признательность - награда.

Т и т ь .

Народъ, и вы, достойные трибуны!
Свои права и голоса, какъ другу,
Андронику хотите ли вручить?

Т р и б у н ы .

Чтобъ добраго Андроника почтить,
Вернушагося въ Римъ благополучно –
Народъ ему предоставляетъ выборъ.

Т и т ь .

Благодарю, трибуны, и прошу,
Чтобъ избранъ былъ принцъ Сатурнинъ. Онъ старшій
Сынъ цезаря, и доблести его
Римъ озарять, какъ лучъ Титана – землю;
При немъ въ странѣ созрѣетъ правосудье.
Вѣнчайте же его при воскицаньяхъ:
- Да здравствуетъ нашъ цезарь Сатурнинъ.

М А Р К ь .

По выбору, съ согласья всѣхъ сословій:
Плебеевъ и патриціевъ – возводимъ
Въ санъ цезаря мы принца Сатурнина.
Да здравствуетъ нашъ цезарь Сатурнинъ!

(Трубы).

С А Т У Р Н И Н ь .

Въ награду, Титъ Андроникъ, за услуги,
Оказанныя при избранъѣ намъ –
Благодарю тебя и докажу
Признательность на дѣлѣ. Чтобъ возвысить
Твой славный родъ – намѣреваюсь, Титъ,
Лавинію императрицей сдѣлать,
Владычицей души моей и Рима,
Бракъ заключивъ въ священномъ Пантеонѣ.
Такая мысль – по сердцу ли тебѣ?

Т и т ь .

Да, государь. Такой союзъ считаю
Высокою я честью для себя.
И здѣсь, въ виду у Рима, посвящаю
Я Сатурнину, цезарю, главѣ

Имперіи и властелину міра –
Мой мечъ и плѣнныхъ съ колесницей: даръ,
Что цезаря великаго достоинъ.
Прими, какъ дань, трофеи нашей славы,
Которыя несу къ твоимъ ногамъ.

САТУРНИНЪ.

Благодарю, Титъ благородный, жизни
Моей отецъ! Горжусь тобой и даромъ,
Свидѣтель – Римъ. И если я забуду
Малѣйшую изъ тѣхъ заслугъ безцѣнныхъ –
Вы, римляне, забудьте вѣрность мнѣ.

ТИТЪ (*Таморъ*).

Царица, вы – у цезаря въ плѣну.
Согласно сану вашему, онъ съ вами
И вашими – поступить благородно.

САТУРНИНЪ.

Красавица, какую я избралъ бы,
Когда бы могъ я снова избирать!
Прекрасная царица, проясни
Ликъ сумрачный. Хотя войны случайность –
Причиною подобной переменъ,
Являешься ты въ Римъ не на позоръ,
И всѣ въ тебѣ царицу будутъ видѣть.
Довѣрься мнѣ, да не спугнетъ печаль
Надеждъ твоихъ. Кто нынѣ утѣшаетъ –
Тотъ болѣе, чѣмъ готскою царицей
Тамору можетъ сдѣлать. На меня
Лавинія за это не въ обидѣ?

ЛАВИНІЯ.

Нѣтъ, государь. Порукой – благородство,
Что эта рѣчь – лишь цезаря учтивость.

САТУРНИНЪ.

Благодарю, Лавинія. Идемъ.
Безъ выкупа мы плѣнныхъ отпускаемъ.
Да возвѣстятъ избранье звукомъ трубъ.

БАССИАНЪ (*схватываетъ Лавинію*).

Титъ доблестный, дозволю! Она – моя.

ТИТЪ.

Какъ, принцъ? Ты вправду это говоришь?

В А С С І А Н Ъ.

Да, славный Титъ, я право отстою,
И окажу себѣ я правосудье.

М А Р К Ъ.

Suum cuique – въ римскомъ правѣ есть.
И собственность беретъ нашъ принцъ по праву.

Л У Ц І Й.

И сохранить – покуда Луцій живъ.

ТИТЪ.

Измѣнники! Гдѣ стража государя?
Похищена Лавинія, о цезарь!

С А Т У Р Н И Н Ъ.

Похищена? Кѣмъ?

В А С С І А Н Ъ.

Кто по праву можетъ
У каждаго отнять свою невѣсту.

(Уходятъ Маркъ и Вассіанъ съ Лавиніей).

М У Ц І Й.

Увестъ ее мнѣ помогите, братья,
Я у дверей съ мечомъ посторожу.

(Уходятъ Луцій, Квинтъ и Марцій).

ТИТЪ.

За мною, цезарь! Я верну ее!

М У Ц І Й.

Ты не пройдешь, отецъ!

ТИТЪ.

Мальчишка дерзкій!
Путь преграждать мнѣ въ Римѣ!

Муцій.

Помогите!

(Титъ убиваетъ Муцію).

Луцій (возвращается).

Отецъ, ты больше, чѣмъ несправедливъ.
Ты умертвилъ въ неправомъ спорѣ сына.

Титъ.

Ни ты, ни онъ – не сыновья мнѣ больше,
Позора мнѣ не нанесли-бъ они.
Верни, измѣнникъ, цезарю невѣсту.

Сатурнинъ.

Нѣтъ, Титъ, ни въ ней, а также ни въ тебѣ,
Ни въ комъ изъ васъ я – цезарь – не нуждаюсь.
Я вѣру дамъ тому, кѣмъ одураченъ
Однажды былъ, но не тебѣ съ твоими
Измѣнниками сыновьями: вы
Мнѣ нанести безчестье сговорились.
Иль не нашли, помимо Сатурнина,
Вы никого другого на потѣху?
Твои поступки съ похвалъбой согласны
Отродья твоего. Онъ говорилъ,
Что я тебѣ моимъ вѣнцомъ обязанъ.

Титъ.

Чудовищно! Упрекъ подобный – мнѣ?

Сатурнинъ.

Ступай своей дорогою. Свободно
Отдай тому ты вѣтреницу эту,
Кто за нее размахивалъ мечомъ.
Достойный зять, способный въ стачкѣ быть
Съ мятежными твоими сыновьями,
Чтобъ затѣвать въ предѣлахъ Рима смуты.

Титъ.

Такая рѣчь для раны въ сердцѣ – ножъ.

Сатурнинъ.

Царица готовъ, милая Тамора!
Какъ свѣтлая Діана – нимфъ своихъ,
Прекраснѣйшихъ ты римлянокъ затмила.

Когда тебѣ внезапный выборъ милъ –
Тебя своей невѣстой избираю
И дѣлаю императрицей Рима.
Одобришь ли, царица, выборъ мой?
Клянусь богами римскими: затѣмъ,
Что близко жрецъ, священная вода,
Пылаютъ ярко свѣчи и готово
Для Гименея все – что улицъ Рима
Я не хочу увидѣть, не вступлю
Я въ свой дворецъ, покуда, обвинчавшись,
Не приведу съ собой моей супруги.

ТАМОРА.

Когда почтитъ царицу готовъ цезарь –
Передъ лицомъ небесъ клянусь я Риму
Рабою быть его желаній, нянькой
И матерью для юныхъ лѣтъ его.

САТУРНИНЪ.

Вступи, царица, въ Пантеонъ; идите,
Патриціи, за вашимъ государемъ
И славною невѣстою его,
Что Сатурнину небо шлетъ, премудро
Надъ долей злой побѣду одержавъ.
Тамъ нашъ обрядъ вѣнчальный совершится.

(Уходятъ Сатурнинъ и его свита, Тамора, ея сыновья, Ааронъ и готы).

ТИТЪ.

Я не былъ званъ сопутствовать невѣстѣ.
Когда бывалъ столь одинокимъ Титъ,
Несчастьемъ подавленъ и позоромъ?

190

Входятъ Маркъ, Луцій, Квинтъ и Марцій.

МАРКЪ.

Что сдѣлалъ ты, о Титъ? Въ неправомъ спорѣ
Ты доблестнаго сына умертвилъ.

ТИТЪ.

Не сына моего, глупецъ трибунъ.
Въ тебѣ и въ нихъ – участникахъ дѣянья,
Которое нашъ родъ позоритъ – вижу
Я сыновей и братьевъ недостойныхъ.

Луцій.

Дозволь его намъ съ честью схоронить,
Пусть съ братьями своими ляжетъ Муцій.

Титъ.

Измѣнники, назадъ! Онъ здѣсь не ляжетъ.
Гробница эта пять вѣковъ стоитъ,
Я памятникъ возобновилъ богато,
Гдѣ лишь бойцы и слуги Рима съ честью
Покоятся, не тѣ, кто жертвой распри
Постыдно палъ. Его похороните,
Гдѣ можете: онъ не войдетъ сюда.

Маркъ.

Безбожно это, братъ мой. Говорятъ
За Муція его дѣянья. Долженъ
Быть съ братьями онъ вмѣстѣ погребенъ.

Квинтъ.

И будетъ онъ, иль мы пойдемъ за братомъ.

Титъ.

И будетъ? Кто былъ негодяй, сказавшій
Такое слово?

Квинтъ.

И его готовъ
Онъ подтвердить повсюду, но не здѣсь.

Титъ.

Вы мнѣ на зло внести его хотите?

Маркъ.

Нѣтъ, славный Титъ, тебя мы умоляемъ
Его простить и здѣсь похоронить.

Титъ.

Маркъ, даже ты въ мой шлемъ ударилъ! Вмѣстѣ
Съ мальчишками - ты ранилъ честь мою,

И всѣхъ я васъ врагами почитаю.
Ступайте прочь! Меня вы не тревожьте.

МАРКЪ.

Онъ – внѣ себя. Уйдемъ.

КВИНТЪ.

Я не уйду,
Пока похороненъ не будетъ Муцій.

(Маркъ и сыновья Тита преклоняютъ колѣни).

МАРКЪ.

Братъ, именемъ его природа молитъ.

КВИНТЪ.

Въ немъ говоритъ она съ тобой, отецъ.

ТИТЪ.

Умолкни ты, иль прочимъ будетъ хуже.

МАРКЪ.

Титъ доблестный! Въ тебѣ души моей –
Часть большая...

ЛУЦІЙ.

Отецъ, душа и тѣло
Всѣхъ насъ...

МАРКЪ.

Дозволь, чтобъ здѣсь, гдѣ добродѣтель
Свила гнѣздо, твой братъ похоронилъ
Племянника достойнаго, который
За честь свою и за сестру погибъ.
Ты – римлянинъ, и варваромъ не будешь.
Вѣдь греками по обсужденіи былъ
Похороненъ Аяксъ самоубійца,
О чемъ просилъ Лаэрта мудрый сынъ.
Утѣхою твоей былъ юный Муцій,
Не заграждай же входъ ему сюда.

ТИТЪ.

Встань, Маркъ, я дня ужаснѣй не знавалъ:
Я сыновьями въ Римѣ опозоренъ.
Пускай – его, затѣмъ меня схоронять.

(Муція опускаютъ въ могилу).

ЛУЦІЙ.

Съ друзьями здѣсь покойся, милый Муцій,
Пока трофеемъ не украсимъ гробъ.

ВСЪ.

О Муцій достойномъ пусть не плачутъ:
Кто съ честью палъ – со славою живетъ.

МАРКЪ.

Великій Титъ – чтобъ мысли намъ отвлечь
Отъ страшныхъ бѣдъ, скажи, какъ удалось
Возвыситься царицѣ хитрой готовъ?

ТИТЪ.

Не знаю, Маркъ, но знаю: это такъ.
Лукавство или нѣтъ – извѣстно небу.
Но не въ долгу ль она у человѣка,
Что издали привезъ ее къ величью?
Его она вознаградить достойно.

191

*Трубы. Входятъ съ одной стороны Сатурнинъ, Тамора, Хиронъ, Дементій и
Ааронъ; съ другой – Вассіанъ, Лавинія и другіе.*

САТУРНИНЪ.

Ну, Вассіанъ, ты выигралъ. Дай Богъ,
Чтобъ ты нашелъ съ супругой милой счастье.

ВАССІАНЪ.

А ты – съ твоей. Ни меньшихъ пожеланій,
Ни большихъ словъ нѣтъ, цезарь, у меня.
И съ тѣмъ тебя оставляю я.

САТУРНИНЪ.

Измѣнникъ!

Когда законъ есть въ Римѣ, а у насъ –
Могущество, ты съ партіей твоею
Поплатишься за это похищеніе.

В А С С І А Н Ъ .

Взять собственность – ужели похищенье?
Любовь мою, теперь – мою жену?
Пусть римскій нашъ законъ рѣшаетъ дѣло,
Пока – беру, что мнѣ принадлежитъ.

С А Т У Р Н И Н Ъ .

Ты съ нами грубъ и если будемъ живы –
Не менѣе съ тобой поступимъ рѣзко.

В А С С І А Н Ъ .

Я, государь, за то, что совершилъ –
Отвѣчу, какъ могу: моею жизнью,
Но я, во имя долга передъ Римомъ,
Скажу тебѣ одно лишь: благородный
Патрицій Титъ – былъ въ чести оскорбленъ
И доброй славѣ. Возвратить желая
Лавинію тебѣ, своей рукою
Онъ младшаго изъ сыновей убилъ –
Въ усердіи къ тебѣ, разгнѣванъ тѣмъ,
Что даръ его свободный отнимаютъ.
Верни ему ты милость, Сатурнинъ,
Во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ отцомъ
И другомъ былъ онъ для тебя и Рима.

Т И Т Ъ .

Принцъ Вассіанъ, не защищай меня,
Я былъ тобой и ими опозоренъ.
Мнѣ Римъ – судья и праведное небо,
Въ томъ, какъ любилъ и чтилъ я Сатурнина.

Т А М О Р А .

О, государь, для царственныхъ очей
Когда была любезною Тамора –
Дозволь мнѣ быть судьей безпристрастнымъ,
Молю тебя все прошлое простить.

С А Т У Р Н И Н Ъ .

Какъ? Претерпѣть открыто поруганье
И низкимъ быть, врагу не отомстивъ?

Т А М О Р А .

Да не допустить боги Рима, цезарь,
Чтобъ на тебя я навлекла позоръ!

Но собственною честью отвѣчаю
Я за невинность доблестнаго Тита:
Гнѣвъ искренній его – порука въ томъ.
Прошу тебя, будь къ Титу благосклоненъ,
Столь доблестнаго друга не теряй
Лишь въ силу подозрѣній. Хмурымъ взоромъ
Ты преданное сердце не язви.

(Тихо Сатурнину).

Послушайся меня, его помилуй,
Мой государь. Скрой гнѣвъ и недовольство:
Ты только-что вступилъ на свой престолъ,
Народъ, а съ нимъ – патриціи, по правдѣ
Все обсудивъ, за Тита могутъ встать,
Тебя низвергнувъ за неблагодарность,
Которая для римлянъ – худшій грѣхъ.
Склонись къ мольбѣ, мнѣ предоставь свободу:
День выберу, чтобъ всѣхъ ихъ перерѣзать,
Стереть съ земли весь родъ ихъ и друзей,
Жестокаго отца, сыновъ коварныхъ.
О жизни сына я молила ихъ,
Пусть вѣдаютъ, что значить – заставлять
На площади царицу на колѣняхъ
Напрасно ихъ о милости молить.
(Громко). Ну, государь, Андроникъ добрый, полно.
Ты старца подними, ободри сердце,
Застывшее подъ тою бурей гнѣва,
Что вызвалъ ты нахмуреннымъ челомъ.

САТУРНИНЪ.

Встань, Титъ, побѣда – за императрицей.

ТИТЪ.

Васъ, государь, благодарю обоихъ.
Отъ этихъ словъ и взоровъ я ожилъ.

ТАМОРА.

Титъ, съ Римомъ я слилась. Себѣ на счастье –
Я римлянкою стала, и должна
Давать совѣты цезарю благіе:
Сегодня смерть раздорамъ всѣмъ, Андроникъ.
Дозволь же мнѣ гордиться, добрый Титъ,
Что я тебя съ друзьями примирила.
А за тебя, принцъ Вассіанъ, я слово
И обѣщанье цезарю дала,

Что станешь ты уступчивѣй и мягче.
Патриціи, Лавиніи, не бойтесь:
Совѣтую смиренно на колѣняхъ
У цезаря прощенье испросить.

ЛУЦІЙ.

Готовы мы. Клянемся передъ Богомъ

192

И цезаремъ: насколько лишь могли,
Мы дѣйствовали мирно, охраняя
И честь сестры, и собственную нашу.

МАРКЪ.

Въ томъ завѣряю честью.

САТУРНИНЪ.

Прочь отсюда!
Довольно словъ. Не докучайте намъ.

ТАМОРА.

Нѣтъ, добрый цезарь. Будемъ всѣ друзьями.
Они прощенья просятъ на колѣняхъ.
Я не хочу отказа. Оглянись.

САТУРНИНЪ.

Маркъ, для тебя и брата твоего
И ради просьбъ возлюбленной Таморы –
Проступки ихъ, безбожные простить
Я юношамъ согласенъ. Встаньте всѣ.
Лавинія, хотя меня коварно
Ты бросила – подругу я нашелъ
И клятву далъ я вѣрную, какъ смерть,
Что не уйду изъ храма неженатымъ.
Когда нашъ дворъ двухъ новобрачныхъ приметъ,
Лавинія съ друзьями – наша гостя.
День нынѣшній, Тамора, - день любви.

ТИТЪ.

А завтра, если цезарю угодно

Травить со мной оленя и пантеру,
Привѣтствовать мы будемъ съ добрымъ утромъ
Васъ лаемъ псовъ и звуками роговъ.

САТУРНИНЪ.

Пусть будетъ такъ. Благодаримъ тебя.

(Трубы. В с ѣ уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Тамъ же. Передъ дворцомъ.

Входитъ ААРОНЪ.

ААРОНЪ.

Достигнута Таморой высь Олимпа.
Возсѣла тамъ она – защищена
Отъ стрѣлъ судьбы, ударовъ грома, молній,
И блѣдная тамъ не грозитъ ей зависть.
Какъ солнце въ часъ, когда, встрѣчая утро,
И океанъ лучами золотя,
По зодіаку въ свѣтлой колесницѣ
Оно летитъ поверхъ высокихъ горъ –
Тамора такова.
Земной почетъ – дань мудрости ея,
Нахмурить бровь – предъ ней трепещетъ доблесть.
Настрой же духъ и сердце, Ааронъ,
Чтобъ съ царственной любовницею вмѣстѣ
Возвыситься. Ты плѣнницею долго
Въ цѣпяхъ любви ее съ триумфомъ вель,
Прикованной къ очамъ твоимъ прекраснымъ
Надежнѣе, чѣмъ Прометей – къ скалѣ.
Прочь, рабскій духъ и рабскія одежды!
Хочу блистать я въ жемчугахъ и златѣ,
Съ тѣмъ, чтобъ служить императрицѣ новой.
Служить? О, нѣтъ! Съ царицей наслаждаться,
Съ богинею, Семирамидой, нимфой,
Сиреною, плѣнившей Сатурнина,

Несущей гибель Риму и ему.
Что тамъ за шумъ?

Входятъ ДЕМЕТРІЙ и ХИРОНЪ, ссорясь.

ДЕМЕТРІЙ.

Не достаетъ ума
Годамъ твоимъ, уму же – остроты.
Ты ломишься туда, гдѣ благосклонность,
А можетъ-быть – и склонность я встрѣчаю.

ХИРОНЪ.

Деметрій, ты во всемъ самонадѣянъ
И хвастовствомъ смутить меня желаешь.
Не разница въ одномъ иль въ двухъ годахъ
Меня лишитъ пріятности, даруя
Тебѣ успѣхъ. Способенъ я, какъ ты,
Служить моей возлюбленной и милость
Тѣмъ заслужить. Пусть докажу оружіемъ
Я на любовь Лавиніи права.

ААРОНЪ.

Плетей сюда, чтобъ помирить влюбленных!

ДЕМЕТРІЙ.

Эй, мальчуганъ, затѣмъ, что нацѣпила
Напрасно мать тебѣ игрушку мечъ –

193

<Сверху на странице расположена иллюстрация рисунка Джильберта (Gilbert) «ААРОНЪ».>

Ты сталъ грозить отчаянно друзьямъ?
Вложи въ ножны свой дѣтскій мечъ, покуда
Не выучишься лучше имъ владѣть.

ХИРОНЪ.

До той поры и съ маленькимъ умѣньемъ
Я покажу тебѣ, на что гожусь.

ДЕМЕТРІЙ.

Храбришься ты, мальчишка!

(Обнажаютъ мечи).

ААРОНЪ.

Что жъ это?

Вблизи дворца мечи въ подобной ссорѣ
Открыто вы рѣшаетесь извлечь?
Мнѣ поводъ къ ней извѣстенъ, и мильона
Не взялъ бы я, чтобъ тѣмъ онъ сталъ извѣстенъ,
Кому всего онъ ближе. Ваша мать
Достойная и больше не взяла бы,
Чтобъ при дворѣ покрыть себя позоромъ!
Стыдитесь, мечъ вложите.

ДЕМЕТРІЙ.

Нѣтъ, покуда

Не погружу я въ грудь ему меча
И тѣхъ рѣчей назадъ не втисну въ глотку,
Которыми онъ здѣсь меня порочилъ.

194

ХИРОНЪ.

Я жду тебя, безчестный трусь-ругатель.
Лишь языкомъ перуны сыплешь ты,
Но въ дѣло мечъ пустить ты не дерзаешь.

ААРОНЪ.

Стой, говорю я вамъ! Клянусь богами,
Которыхъ чтутъ воинственные готы:
Погубить васъ пустая эта распря.
Иль посягать на право Вассіана –
Опаснымъ вамъ не кажется? Иль стала
Лавинія настолько развращенной,
И низкимъ – Вассіанъ, что не страшась
Вмѣшательства за правду и возмездья –
Вы ссоритесь изъ-за ея любви?
Въ чемъ суть игры – узнай императрица,
Ей музыка не по душѣ придется.

ХИРОНЪ.

Пускай она и цѣлый міръ узнаютъ!
Лавинія дороже мнѣ, чѣмъ міръ.

ДЕМЕТРІЙ.

Молокосось, будь въ выборѣ скромнѣе:
Она – надежда брата твоего.

ААРОНЪ.

Безумны вы? Не знаете, насколько
Нетерпѣливы римляне и пылки?
Соперниковъ въ любви не терпятъ здѣсь.
Готовите себѣ такимъ поступкомъ
Вы тысячу смертей.

ХИРОНЪ.

На нихъ пойду я,
Чтобъ овладѣть возлюбленной моею.

ААРОНЪ.

Какъ овладѣть?

ДЕМЕТРІЙ.

Вѣдь женщина она,
Ухаживать за нею, значить, можно,
А женщиной и овладѣть возможно.
Лавинія – она, и значить надо
Ее любить. На мельницѣ воды
Побольше утечетъ, чѣмъ знаетъ мельникъ...
Разрѣзанъ хлѣбъ – стащить кусокъ легко.
Пусть Вассіанъ – братъ цезаря: носили
Вулкановъ знакъ и лучшіе, чѣмъ онъ.

ААРОНЪ (*про себя*).

Да. Равные быть можетъ Сатурнину.

ДЕМЕТРІЙ.

Что жъ приходитъ въ отчаянье, когда,
При помощи рѣчей и нѣжныхъ взоровъ
И щедрости – ухаживать умѣешь?
Иль не умѣлъ ты, серну подстрѣливъ,
Ее унести у стража изъ-подъ носу?

ААРОНЪ.

Сдается мнѣ: была бы въ похищеньи
Удача вамъ?

ХИРОНЪ.

Да, если-бъ удалось.

ДЕМЕТРІЙ.

Ты въ цѣль попалъ.

ААРОНЪ.

Да, вы-то не попали,
Не то шумѣть не стали-бъ попустому.
Послушайте, ужели вы такъ глупы,
Чтобъ ссориться? Досадно ль будетъ вамъ,
Когда обоимъ повезетъ?

ХИРОНЪ.

Нисколько.

ДЕМЕТРІЙ.

Ничуть – когда однимъ изъ нихъ я буду.

ААРОНЪ.

Стыдитесь же! Дружнѣй! Соединитесь
Изъ-за того, что разлучаетъ васъ.
Лишь ловкостью и хитростью добьетесь
Вы своего. Рѣшиться вы должны.
Нельзя достигъ путемъ желаннымъ цѣли,
Добейтесь же ее путемъ возможнымъ.
Лукреція сама была не чище
Лавиніи, подруги Вассіана.
Чѣмъ безъ пути томиться и вздыхать –
Кратчайшій путь намъ слѣдуетъ избрать.
Готовится блестящая охота
Въ присутствіи красавицъ римскихъ, принцы.
Удобныя въ лѣсу тропинки есть,
Безлюдныя глухіе уголки,
Что созданы природой для насилій.
Лань нѣжную сманивъ туда, добейтесь
Вы своего – не словомъ, такъ насильемъ.
Такъ, иль никакъ. Императрицѣ нашей,
Что посвятила мести и насилью
Священный умъ – расскажемъ обо всемъ.
Она совѣтъ въ орудье наше вложить,

И ссориться онъ не допустить васъ,
Но вознесетъ на высоту желаній.
Дворъ цезаря – подобенъ храму славы,
Онъ полонъ глазъ, ушей и языковъ;
Безжалостны – лѣса, зловѣщи, глухи.
Кричите тамъ, разите, храбрецы,
И случаемъ для утоленья страсти
Воспользуйтесь. Вдали отъ взоровъ неба –
Лавиніи красою насладитесь.

ХИРОНЪ.

Трусливостью не пахнетъ твой совѣтъ.

195

ДЕМЕТРІЙ.

Sit fas aut nefas впредъ до нахождения
Источника, чтобъ жажду утолить,
Иль чаръ такихъ, что укрощаетъ страсти.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

ЛѢСЪ.

(Рога и лай собакъ).

Входятъ ТИТЪ Андроникъ съ охотниками, МАРКЪ, ЛУЦІЙ, КВИНТЪ и
МАРЦІЙ.

ТИТЪ.

Охота начата, лазурно утро
И зеленъ лѣсъ, поля благоухаютъ.
Спустить собакъ, чтобъ цезаря съ прекрасной
Его супругой лай ихъ разбудилъ
И поднялъ принца. Затрубите въ рогъ
Такъ, чтобъ ему отвѣтомъ было эхо.
Вашъ долгъ, сыны, а также нашъ – усердно

Здѣсь цезаря особу охранять.
Сегодня въ ночь я былъ во снѣ встревоженъ,
Но юный день отрадой вѣетъ вновь.

*Рога трубятъ. Входятъ Сатурнинъ, Тамора, Вассіанъ, Лавинія,
Хиронъ, Деметрій и свита.*

Титъ.

Рядъ добрыхъ дней желаю государю,
И столько же, императрица, вамъ.
Охотничій привѣтъ вамъ обѣщалъ я.

Сатурнинъ.

Патриціи, онъ весело звучалъ,
Но можетъ быть для новобрачныхъ – рано?

Вассіанъ.

Что скажешь ты, Лавинія?

Лавинія.

О, нѣтъ!

Ужъ больше двухъ часовъ, какъ я проснулась.

Сатурнинъ.

Подайте же коней и колесницы,
И – въ путь! Тамора, римскую охоту
Увидишь ты!

Маркъ.

Мои собаки, цезарь,
Сильнѣйшую изъ всѣхъ пантеръ поднимутъ,
На высшую изъ горъ онѣ взбѣгутъ.

Титъ.

Погонится мой конь за звѣремъ всюду
И по полямъ онъ ласточкой летить.

<На странице расположена иллюстрация рисунка известного английского художника Гамильтона (W. Hamilton, R. A., 1751-1801) «Англ. актриса XVIII вѣка Уэльсъ (M-rs Wells) въ роли Лавиніи».>

Деметрій.

Охотимся мы безъ коней и своры,
Въ надеждѣ лань-красотку затравить.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

ААРОНЪ входитъ съ мѣшкомъ золота.

ААРОНЪ.

Въ комъ разумъ есть – сочтеть меня безумнымъ
За то, что столько золота зарылъ я
Подъ деревомъ, лишась его навѣкъ.
Но обо мнѣ судящій недостойно –
Пусть вѣдаетъ, что хитрость я кую
Изъ золота: подведена искусно,
Она родитъ прекраснѣйшую гнусность.
О, золото любезное, покойся
На безпокойство тѣмъ, кто изъ шкатулки
Царицыной – получить эту помощь.

(Зарываетъ въ землю золото подъ деревомъ).

196

Входитъ ТАМОРА.

ТАМОРА.

Мой Ааронъ, что жъ такъ печалень ты
Межъ тѣмъ, какъ все такъ радостно ликуеть?
На каждомъ изъ кустовъ щебечутъ птицы,
Въ сіяньѣ солнца грѣется змѣя,
Дрожать листы отъ дуновенья вѣтра
И пятнами отъ нихъ ложится тѣнь.
Въ тѣни отрадной сядемъ, Ааронъ.
Покуду псовъ болтливо дразнить эхо,
На звукъ роговъ визгливо отзываясь,
Какъ будто бы мы двѣ охоты слышимъ –
Присядемъ здѣсь, внимая лаю псовъ.
За схваткою такой же вслѣдъ, какою
Скиталецъ-принцъ съ Дидоной насладились,
Когда, грозой застигнуты счастливой,

Укрылися они въ глухой пещерѣ –
Забудемся въ объятіяхъ другъ друга
Сномъ золотымъ, пока рога и псы,
И птицы сладкозвучныя – намъ будутъ
Той пѣсенкой, какую напѣваетъ
Кормилица, чтобъ усыпить дитя.

А А Р О Н Ъ .

Царица, ты въ желаніяхъ своихъ
Подчинена Венерѣ, я – Сатурну.
Что значить взоръ мой, мертвенно недвижный,
Молчаніе мое и мрачный видъ?
Зачѣмъ мои развившіяся кудри –
Подобье змѣй, что кольца развернули,
Готовясь казнь ужасную свершить?
Царица, нѣтъ! То не Венеры знаки.
Въ рукѣ моей и въ сердцѣ – только мщенье,
Отмщенье кровь – стучать въ мозгу моемъ.
Тамора, ты души моей царица,
Въ тебѣ одной себѣ нашелъ я небо.
Погибнетъ принцъ, его же Филомела
Лишится языка, и непорочность
Ея ограбивъ, сыновья твои
Отмоютъ руки кровью Вассіана.
Вотъ здѣсь письмо, возьми его, прошу,
И цезарю отдай зловѣщій свитокъ.
Не спрашивай. За нами наблюдаютъ.
Но вотъ идетъ добычи нашей часть,
Не вѣдая о гибели грозящей.

Т А М О Р А .

О, милый мавръ! Ты жизни мнѣ милѣй!

А А Р О Н Ъ .

Молчи, императрица! Съ Вассіаномъ
Ты споръ затѣй. О чемъ бы рѣчь ни шла –
Но сыновья твои тебя поддержать.

(Уходитъ).

Входятъ В А С С І А Н Ъ и Л А В И Н І Я .

В А С С І А Н Ъ .

Кто это? какъ? Императрица Рима
Безъ свиты царской? Можетъ быть – Діана,

Которая, подобно ей одѣта,
Покинула священной рощи сѣнь,
Чтобъ цезаря охоту здѣсь увидѣть?

ТАМОРА.

Поступковъ вашихъ дерзкій соглядатай!
Будь у меня Діаны власть – немедля
Рогами я вѣнчала бы твой лобъ,
Какъ было съ Актеономъ, и собаки
Твои преобразившіеся члены
На части разорвали бы, наглець!

ЛАВИНІЯ.

Прекрасная императрица, слышно –
Умѣешь ты рогами надѣлять.
И для того уединилась съ мавромъ
Конечно ты, чтобъ опытъ произвести.
Юпитеромъ хранимъ да будетъ цезарь,
Не то сочтутъ его оленемъ псы.

БАССИАНЪ.

Царица, вѣдь, твой черный киммеріецъ
И честь твою запачкаетъ въ противный
И грязный цвѣтъ, цвѣтъ тѣла своего.
Зачѣмъ теперь, всю свиту отпустивъ,
Сошла ты съ бѣлоснѣжнаго коня,
И, взявъ съ собой лишь варварскаго мавра,
Являешься въ лѣсную глушь, когда
Не гнусная тебя приводитъ похоть?

ЛАВИНІЯ.

И потому, что ей мѣшаль въ забавахъ –
За дерзость былъ супругъ мой благородный
Здѣсь поносимъ! Уйдемъ! Пусть насладится
Она любовью – черною, какъ воронъ.
Для этого пригоднѣй мѣста нѣтъ.

БАССИАНЪ.

Но цезарю оно извѣстно будетъ.

ЛАВИНІЯ.

Оно уже дало ему извѣстность.
О, добрый государь! Такой обманъ?

ТАМОРА.

Какъ я сносить все это въ состояннѣ!

Входятъ ДЕМЕТРІЙ и ХИРОНЪ.

ДЕМЕТРІЙ.

О, наша мать, любезная царица,
Что жъ такъ блѣдна и такъ печальна ты?

ТАМОРА.

Но какъ не быть мнѣ блѣдною, скажите?
Меня сюда тѣ двое затащили,

197

Въ глухія дебри дикія. Деревья
Здѣсь высохли, заглохли – даже лѣтомъ,
И поросли омелой вредной, мхомъ...
Здѣсь солнца нѣтъ, и нѣтъ живущихъ: только
Съ полночною совой зловѣщій филинъ.
И показавъ мнѣ этотъ гнусный ровъ,
Они сказали, что глухою ночью
Здѣсь тысячи бѣсовъ и змѣй шипучихъ
Должны поднять такой ужасный крикъ,
Что слышавшій его любой изъ смертныхъ –
Сойдетъ съума, иль въ тотъ же мигъ умретъ.
Вслѣдъ за разговоромъ, привязать меня
Къ зловѣщему они хотѣли тису,
Чтобъ смертью я ужасною погибла,
И подлою прелюбодѣйкой звали,
Распутной готкой, всякими словами,
Какія уху слышать довелось.
И если-бъ вы чудесно не явились –
Исполнили-бъ они свою угрозу.
Коль скоро мать вамъ дорога – отмстите,
Иль васъ дѣтьми не буду я считать.

ДЕМЕТРІЙ.

Что я – твой сынъ, доказываетъ это.

(Закалываетъ Вассіана).

ХИРОНЪ.

И также я, чтобъ силу показать.

(Тоже наноситъ ударъ Вассіану).

ЛАВИНІЯ.

И ты ударъ, Семирамида! Нѣтъ,
Вѣрнѣй: Тамора варварская! Имя
Одно твое – вполнѣ тебя достойно.

ТАМОРА.

Дай мнѣ кинжалъ, и за свою обиду
Ей ваша мать своей рукой воздастъ.

ДЕМЕТРІЙ.

Царица, стой! Ей мало смерти: зерна
Обмолоти, потомъ соломѣ жги...
Супружескою вѣрностью своею
И чистотой красавица кичится
Всѣмъ на показъ, и, положась на нихъ,
Она бросаетъ вашей мощи вызовъ.
Ужель она сойдетъ въ могилу съ ними?

ХИРОНЪ.

Когда сойдетъ – пусть евнухъ буду я!
Стащи скорѣй ея супруга въ ровъ:
Пусть трупъ его намъ служить изголовьемъ.

ТАМОРА.

Желанный медъ отвѣдайте, но жить
Нельзя пчелѣ – она ужалить можетъ.

<На странице расположена иллюстрация картины английского художника Вудфорда (S. Woodforde, R. A., 1764-1817) «Похищеніе Лавиніи».>

ДЕМЕТРІЙ.

Клянусь, что мы себя обезопасимъ.
Красавица, идемъ. Той чистотой,
Что ты блюла – мы насладимся нынѣ.

ЛАВИНІЯ.

Вѣдь обликомъ ты – женщина, Тамора!

ТАМОРА.

Я не хочу внимать ей. Взять ее!

ЛАВИНІЯ.

Простите, принцы милые, чтобъ слово
Она одно дозволила сказать!

ДЕМЕТРІЙ.

Дозволь, царица, и ея слезами
Потѣшь себя, но твердой, какъ камень
Предъ каплями дождя – ты оставайся.

ЛАВИНІЯ.

Гдѣ видано, чтобъ мать училъ тигренокъ?
Она тебя жестокости учила,
И ты сосалъ не молоко, а мраморъ,
Ты у груди ея позналъ жестокость,
Но не всегда на мать походить сынъ.

(Хирону).

Пусть женскую у ней найду я жалость.

198

ХИРОНЪ.

Какъ? Незаконнымъ сыномъ буду я?

ЛАВИНІЯ.

Да. Ласточку не высидитъ ворона!
Но знаю я – о, если-бъ такъ случилось!
Дозволила растроганная львица
Себѣ обрѣзать царственные когти,
А брошенныхъ птенцовъ ворона кормить,
Забывъ своихъ голодныхъ воронятъ.
О, будь ко мнѣ ты, сердцу вопреки,
Не столь добра, но только милосердна.

ТАМОРА.

Не знаю я, что это значить. Прочь!

ЛАВИНІЯ.

Дай научить тебя! Во имя Тита,

Что могъ убить и пощадишь тебя –
Молю: смягчись и слухъ открой къ молениямъ.

ТАМОРА.

Не будь тобой оскорблена я даже –
Изъ-за него тебя не пощажу.
Сыны мои, лила я тщетно слезы,
Чтобъ жертвою не сдѣлался вашъ братъ,
Свирѣпый же Андроникъ не смягчился.
Увези ее! И чѣмъ вы хуже съ нею
Поступите – тѣмъ вы милѣе мнѣ!

ЛАВИНІЯ.

Будь доброю царицей, о Тамора,
Убей меня своей рукой на мѣстѣ!
Молю тебя такъ долго не о жизни:
Я съ Вассіаномъ вмѣстѣ умерла.

ТАМОРА.

Безумная! О чемъ ты молишь? Прочь!

ЛАВИНІЯ.

Молю я смерти, и еще другого,
Что женственность моя назвать мѣшаетъ.
Спаси меня отъ ихъ желаній: смерти
Они страшнѣй, и въ яму сбрось меня,
Гдѣ не найдутъ мой трупъ людскіе взоры, -
И будешь ты – убійцей милосердной.

ТАМОРА.

Утѣху ихъ отнять у сыновей?
Пусть на тебѣ ихъ похоть утолится.

ДЕМЕТРІЙ.

Впередъ! И такъ ты долго держишь насъ.

ЛАВИНІЯ.

Нѣтъ жалости, нѣтъ женственности тоже!
Звѣриное отродье! Ты – позоръ
И врагъ всему, что женщиной зовется...
Проклятіе!

ХИРОНЪ.

Тебѣ заткну я ротъ! (Увлекаетъ ее).

Тащи ея супруга. Вотъ та яма,
Гдѣ Ааронъ велѣлъ его зарыть.

(Уходитъ съ Лавиніей).

ТАМОРА.

Прощайте же. Себя обезопасьте.
Пусть радости я сердцемъ не узнаю,
Пока живетъ хотя одинъ Андроникъ.
Пусть въ раздраженіи сыновья мои
Невинности лишаютъ эту тварь –
Иду искать плѣнительнаго мавра.

(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Входятъ Ааронъ, Квинтъ и Марцій.

ААРОНЪ.

Сюда! Скорѣй! Прибавьте шагу. Прямо
Къ ужасному я рву васъ приведу,
Гдѣ подстерегъ я спящую пантеру.

КВИНТЪ.

Затмился взоръ... Что это означаетъ?

МАРЦІЙ.

И у меня. Когда бы не стыдился –
Я бросилъ бы охоту и заснулъ.

(Падаетъ въ ровъ).

КВИНТЪ.

Какъ? Ты упалъ? Предательская яма,
Прикрытая терновникомъ густымъ,
А на листьяхъ – пролитой крови капли,
Столь свѣжія, какъ на цвѣтахъ – роса.
Но, падая, ты не расшибся, братъ?

МАРЦІЙ.

О, братъ, разбилось сердце у меня
Отъ зрѣлища, котораго ужаснѣй
Не видѣлъ взоръ, чтобъ сердце сокрушить!

А А Р О Н Ъ (про себя).

За цезаремъ иду. Найдя ихъ здѣсь,
Весьма легко предположить онъ можетъ,
Что братъ его былъ ими умерщвленъ.

(Уходитъ).

М А Р Ц І Й .

Что жъ не ободришь? Не поможешь мнѣ
Изъ ямы выйти – оскверненной кровью?

К В И Н Т Ъ .

Мной овладѣлъ какой-то странный ужасъ.
Я весь дрожу, холодный потъ... И сердце
Мнѣ больше говорить, чѣмъ видеть взоръ.

199

М А Р Ц І Й .

Чтобъ доказать, какъ сердце правду чуетъ –
Ты съ Аарономъ въ яму загляни,
Гдѣ смерть и кровь глазамъ твоимъ предстанутъ.

К В И Н Т Ъ .

Его здѣсь нѣтъ, а состраданье въ сердцѣ
Очамъ глядѣть на то не позволяетъ,
Предчувствіе чего ввергаетъ въ дрожь.
Скажи, что это? Раньше, какъ ребенокъ,
Я не дрожалъ предъ тѣмъ, чего не знаю.

М А Р Ц І Й .

Принцъ Вассіанъ – зарѣзанъ, какъ овца.
Лежитъ въ крови, подобно мертвой грудѣ –
Въ проклятомъ, темномъ, полномъ крови рву.

К В И Н Т Ъ .

Но въ темнотѣ какъ узнаешь ты принца?

М А Р Ц І Й .

На пальцѣ окровавленномъ надѣто
Кольцо, чей блескъ пещеру озаряетъ

И – факелу подобно въ темномъ склепѣ –
Землистыя ланиты мертвеца
И рытвины пещеры освѣщаетъ.
Такъ озаренъ луною былъ Пирамъ,
Когда лежалъ, залитый кровью дѣвы.
Братъ, помоги мнѣ слабою рукой,
Когда ее ослабилъ ужасъ – выйти
Изъ жаднаго вмѣстилища: противно
Оно, какъ пасть туманнаго Коцита.

Квинтъ.

Дай руку мнѣ, я помогу тебѣ,
А если силъ не хватитъ – упаду я
Въ прожорливыя нѣдра этой ямы,
Гдѣ схороненъ несчастный Вассіанъ.
Не въ силахъ я помочь тебѣ подняться.

Марцій.

А безъ тебя подняться я не въ силахъ.

Квинтъ.

Дай руку мнѣ, иль выйти помогу я
Тебѣ навверхъ, иль внизъ я упаду.
Не можешь выйти? Я иду къ тебѣ!

(Падаетъ въ яму).

Входятъ Сатурнинъ и Ааронъ.

Сатурнинъ.

Впередъ, за мной! Какая это яма –
Хочу я знать, и кто упалъ въ нее?
Скажи, кто ты – спустившійся недавно
Въ зіяющую впадину земли?

Марцій.

Несчастный сынъ Андроника! Сюда я
Въ недобрый часъ попалъ, чтобъ видѣть мертвымъ
Здѣсь Вассіана, брата твоего.

Сатурнинъ.

Онъ мертвъ? Но нѣтъ, ты пошутилъ? Съ женою
Онъ въ хижинѣ охотничьей, стоящей
На сѣверѣ густого лѣса, былъ
Лишь часъ тому назадъ оставленъ нами.

МАРЦІЙ.

Гдѣ онъ живымъ оставленъ былъ – не знаю,
Но мертвымъ здѣсь онъ мною былъ найденъ.

Входятъ Тамора, Титъ Андроникъ и Луцій.

ТАМОРА.

Гдѣ цезарь – мой супругъ?

САТУРНИНЪ.

Онъ здѣсь, Тамора,
Но горестью смертельной пораженъ.

ТАМОРА.

А гдѣ твой братъ?

САТУРНИНЪ.

Ты проникаешь въ рану
До глубины... Онъ здѣсь лежитъ убитый.

ТАМОРА.

Итакъ, зловѣщій свитокъ опоздалъ!

(Отдаетъ письмо).

Тамъ рѣчь идетъ объ этой ранней смерти.
Дивлюсь тому, какъ можетъ быть улыбка
Убийственной жестокости личиной!

САТУРНИНЪ *(читаетъ)*.

«А если-бъ мы его, охотникъ милый,
«Не встрѣтили достойно – (Вассіана:
«Хочу сказать) – ему могилу вырой.
«Ты понялъ насъ? Ищи свою награду
«Въ крапивѣ ты, у корня бузины,
«Отверстіе пещеры осѣнившей,
«Гдѣ мы зарыть рѣшили Вассіана.
«Сверши, - и въ насъ друзей найдешь навѣкъ».
Гдѣ слыхано подобное, Тамора?
Вотъ яма здѣсь, а вотъ и бузина.
Ищите! Здѣсь охотникъ не найдется ль,
Что Вассіана долженъ былъ убить?

ААРОНЪ.

Вотъ съ золотомъ мѣшокъ, о цезарь!

(Показываетъ мѣшокъ).

200

САТУРНИНЪ (Титу).

Двое

Твоихъ щенковъ породы кровожадной
Жизнь отняли у брата моего.
Въ темницу ихъ! Пускай они томятся,
Пока для нихъ не выдумаютъ казни,
Какой еще на свѣтѣ не бывало.

ТАМОРА.

Какъ? Здѣсь во рву они? О, чудеса!
И какъ легко открылось злодѣянье!

ТИТЪ.

Великій цезарь! На колѣняхъ слабыхъ
Молю въ слезахъ, что льются не легко –
Сыновъ моихъ проклятыхъ преступленье,
Проклятыхъ, если доказать его...

САТУРНИНЪ.

Какъ – доказать? Но это очевидно.
Кѣмъ поднято письмо? Тобой, Тамора?

ТАМОРА.

Нѣтъ, поднято Андроникомъ оно.

ТИТЪ.

Да, цезарь. Все жъ прими мою поруку.
Клянусь тебѣ отцовъ гробницей чтимой:
Ты повелишь – и головой отвѣтятъ
Они за то, въ чемъ обвиняютъ ихъ.

САТУРНИНЪ.

Поруки не приму. Иди за нами.
Убитаго съ убійцами возьмите.
Пускай молчатъ, вина ихъ очевидна.
Клянусь душою: существуй конецъ
Грозный, чѣмъ смерть – я такъ бы съ ними кончилъ.

ТАМОРА.

Андроникъ, буду цезаря просить.
Не сдѣлають дурного имъ. Не бойся.

Титъ.

Не обращай, Луцій, къ нимъ. Идемъ.

(Уходятъ въ разныя стороны).

СЦЕНА V.

*Входятъ ДЕМЕТРІЙ и ХИРОНЪ съ Лавиніей, надъ которою совершено насиліе.
Кисти рукъ ея отрублены и языкъ отрѣзанъ.*

ДЕМЕТРІЙ.

Ступай теперь. Пусть твой языкъ расскажетъ,
Кто языка лишилъ тебя, и чести!

ХИРОНЪ.

Что думаешь – пиши, когда дозволятъ
Тебѣ твои обрубки стать писакой.

ДЕМЕТРІЙ.

Смотри, она каракулекъ наставитъ.

ХИРОНЪ.

Ступай омыть водой душистой руки.

ДЕМЕТРІЙ.

Нѣтъ языка – спросить воды, и рукъ –
Чтобъ ихъ омыть. Пускай гуляетъ молча.

ХИРОНЪ.

Будь такъ со мной – повѣсился бы я.

ДЕМЕТРІЙ.

Будь руки у тебя, чтобъ сдѣлать петлю.

(Деметрій и Хиронъ уходятъ).

Входитъ МАРКЪ.

МАРКЪ.

Кто тутъ? Ужель поспѣшно убѣгаетъ

Племянница? Пстой! Гдѣ твой супругъ?
О, если сплю, все дамъ я, чтобъ проснуться,
А если я не сплю – пускай свѣтило
Сразитъ меня, чтобъ вѣчнымъ сномъ заснулъ!
Племянница, какой рукой жестокой
Обрублены у стана твоего
Краса его, прелестныя двѣ вѣтки?
Подъ сѣнью ихъ цари почитать желали,
Но не могли любви твоей блаженства
Они достичь. Что жъ ты не говоришь?
Увы, струя горячей алой крови,
Подобная ручью, что пѣнить вѣтеръ –
Межъ алыхъ губъ твоихъ то выступаетъ,
То пропадаетъ, вмѣстѣ поднимаясь
И падая съ твоимъ дыханьемъ нѣжнымъ.
Тебя Терей новѣйшій опозорилъ
И вырѣзалъ языкъ – чтобъ скрыть слѣды.
Ахъ, отъ стыда ты отвращаешь ликъ,
И несмотря на всю потерю крови,
Струящейся изъ трехъ отверзтыхъ ранъ –
Оно какъ ликъ Титана пламенѣтъ,
Когда предъ нимъ клубятся облака.
Я за тебя отвѣчу ль: - это такъ?
Знай истину, и звѣря знай я также –
Его убивъ, я снялъ бы съ сердца гнетъ.
Скорбь тайная – съ закрытой печью схожа:
Сжигаетъ въ пепелъ сердце, гдѣ таится.
Лишь языка лишилась Филомела,
И вышиваньемъ выразила мысль;
Отрѣзано тебѣ и это средство:
Ты встрѣтила хитрѣйшаго Теря.
Вѣдь не отрѣжь онъ нѣжные персты –
Ты вышила-бъ искуснѣй Филомелы.

При видѣ рукъ лилейныхъ, трепетавшихъ
Какъ листья тополей, касаясь лютни,
Чьи струны ихъ съ восторгомъ цѣловали,
Чудовище – чтобъ жизнь свою спасти –
Не тронуло бы ихъ. Услышь оно

Твоихъ рѣчей гармонію святую,
Ножъ выронивъ, оно, какъ раньше Церберъ
У ногъ пѣвца – у ногъ твоихъ заснуло-бъ.
Пойдемъ, и пусть ослѣпнетъ твой отецъ –
При зрѣлищѣ такомъ отецъ ослѣпнетъ.
Лишь часъ грозы – затоплены луга;
За мѣсяцъ слезъ что жъ станется съ глазами?
Не уходи, мы будемъ плакать вмѣстѣ.
О, если-бъ скорбь я облегчилъ твою!

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. Улица.

*Входятъ сенаторы и судьи съ Марціемъ и Квинтомъ связанными. Ихъ
ведутъ къ мѣсту казни. Титъ идетъ впереди, умолая.*

Титъ.

Послушайте, о мудрые отцы!
Трибуны благородные, постойте
Изъ жалости къ годамъ того, чья юность
Прошла среди опасныхъ войнъ, покуда
Вы безопасность знали и покой.
Во имя всей за Римъ пролитой крови,
И всѣхъ ночей безъ сна и на морозѣ,
Во имя этихъ горькихъ слезъ, текущихъ
Межъ старческихъ морщинъ – явите жалость
Моимъ приговореннымъ сыновьямъ!
Не такъ они испорчены, какъ судятъ.
О двадцати двухъ первыхъ я не плакалъ:
На ложѣ чести умерли они.
Объ этомъ же, трибуны, начертаю
Я здѣсь въ пыли скорбь сердца со слезами
Души моей.

(Бросается на землю).

Пусть жаждущую землю
Онъ прольютъ. Кровь чистая сыновъ

Ее краснѣть заставить отъ стыда.

(Сенаторы, трибуны и др. уходятъ съ осужденными).

Земля, дождемъ, струящимся изъ этихъ
Двухъ старыхъ урнъ – полезнѣй буду
Всѣхъ ливней я апрѣля молодого.
Тебя кропить я стану въ лѣтнѣй зной;
Снѣгъ растопивъ слезой горячей въ зиму,
Твой ликъ я подарю весною вѣчной,
Не пей лишь крови сыновей моихъ.

Входитъ Луцій съ обнаженнымъ мечомъ.

Титъ.

О, старцы, сердцемъ кроткіе, трибуны
Почтенные! Съ сыновъ снимите узы
И отмѣните смертный приговоръ.
Пусть – никогда не плакавшій – скажу я,
Что слезы – всѣхъ ораторовъ сильнѣй.

Луцій.

О, доблестный отецъ, напрасно плачешь.
Трибуновъ нѣтъ, никто тебя не слышитъ,
Ты скорбь свою рассказываешь камнямъ.

Титъ.

О, Луцій, дай за сыновей молить.
Я вновь прошу, о мудрые трибуны...

Луцій.

Тебя, отецъ, никто изъ нихъ не слышитъ.

Титъ.

Не все ль равно? Услышь они – внимать
Не стали-бъ мнѣ, а если бы и вняли,
Не захотѣли-бъ сжалиться, но долженъ,
Будь это тщетнымъ, я молить, и вотъ –
Я скорбь мою рассказываю камнямъ.
Хотя на скорбь не могутъ отозваться,
Но всетаки они трибуновъ лучше
Затѣмъ, что рѣчь мою не прерываютъ.
У ногъ моихъ они, собирая слезы,
Какъ будто бы со мною вмѣстѣ плачутъ.
И будь они въ одеждахъ пышныхъ – въ Римѣ
Имъ равныхъ бы трибуновъ не нашлось.

Вѣдь камень – воскъ, трибуны – жестче камня:
Безмолвствуетъ, не оскорбляетъ камень,
Въ словахъ трибуна – смертный приговоръ.

(Встаетъ).

Но почему свой мечъ ты обнажилъ?

ЛУЦІЙ.

Отъ смерти я хотѣлъ избавить братьевъ,
И – вѣчному изгнанью осужденъ.

ТИТЬ.

Счастливецъ ты! Тебѣ явили милость.

202

О, глупый Луцій! Иль не видишь ты,
Что Римъ – скопление тигровъ, и добыча
Нужна для нихъ, а нѣтъ помимо насъ
Добычи имъ. Какъ счастливъ ты, что изгнанъ
Отъ хищниковъ. Но съ Маркомъ кто идетъ?

Входятъ МАРКЪ и ЛАВИНІЯ.

МАРКЪ.

Титъ! Слезы лей изъ старческихъ очей,
А если нѣтъ – пусть сердце разорвется:
Несу тебѣ губительное горе.

ТИТЬ.

Оно меня погубить? Гдѣ жъ оно?

МАРКЪ.

Вотъ это – дочь была твоя.

ТИТЬ.

И есть.

ЛУЦІЙ.

О, страшный видъ! Меня онъ убиваетъ.

ТИТЬ.

Ребенокъ малодушный! Встань, гляди.
Лавинія, скажи: рукой проклятой
Въ глазахъ отца кто рукъ тебя лишилъ?
Подлилъ воды какой безумецъ въ море?
Въ пылающую Трою дровъ подбросилъ?
До твоего прихода скорбь моя
Достигла высоты. Подобно Нилу,
Теперь она изъ береговъ выходитъ.
Дай мечъ, себѣ я руки отрублю,
За Римъ⁷ они сражались напрасно,
Меня кормя, вскормили эту скорбь,
И съ тщетною мольбою простирались,
Для цѣли мнѣ служили бесполезной.
Одной отъ нихъ услуги жду: одна
Пусть отрубить другую мнѣ поможетъ.
Лавинія, счастливѣй ты безъ рукъ:
На службѣ Риму руки бесполезны.

ЛУЦІЙ.

Скажи, сестра, тебя кто изувѣчилъ?

МАРКЪ.

Орудье мыслей дивное, которымъ
Она съ такимъ чудеснымъ краснорѣчьемъ
Ихъ выражала – вырвано теперь
Изъ опустѣвшей клѣтки, гдѣ оно,
Какъ птица сладкогласная, плѣняло
Мелодіей разнообразной слухъ.

ЛУЦІЙ.

Отвѣтъ же за нее: чье это дѣло?

МАРКЪ.

Ее въ лѣсу блуждающей я встрѣтилъ,
Убѣжища она искала, словно
Неизцѣлимо раненая лань.

ТИТЪ.

О, лань моя! Онъ – ранившій ее –
Разить меня больнѣй, чѣмъ ножъ убійцы.
Я – словно тотъ, что стоя на скалѣ,
Пустыней моря окруженный, видитъ,
Какъ за волной волна – растеть приливъ,
И ждетъ, что валъ завистливый поглотитъ

И закрутитъ его въ соленыхъ нѣдрахъ.
Вотъ здѣсь на казнь прошли мои сыны,
Вотъ сынъ другой, изгнанью обреченный,
Вотъ плачущій о нашемъ горѣ братъ,
Но та, чей видъ меня сильнѣе ранитъ –
Лавинія, что мнѣ души дороже.
Предстань ты мнѣ такой въ изображеніи –
Я обезумѣлъ бы. Какъ поступлю,
Когда тебя такою въ жизни вижу?
Рукъ лишена, чтобъ слезы утереть,
И языка – чтобъ палача намъ выдать.
Твой мужъ убить, а братьевъ, осужденныхъ
За эту смерть – теперь уже казнили.
Смотрите, Маркъ и Луцій! Какъ только
Назвалъ я братьевъ – на ея щекахъ
Вновь заблестали слезы, какъ роса
Медовая на лиліи увядшей.

МАРКЪ.

О томъ ли плачетъ, что рукою ихъ
Убить супругъ, иль – зная ихъ невинность?

ТИТЪ.

Когда убить онъ ими – торжествуй:
Законъ свершилъ возмездіе надъ ними.
Но, нѣтъ, они невинны въ гнусномъ дѣлѣ:
Порукою – печаль сестры. Дозволь
Тебя въ уста поцѣловать, знакъ сдѣлай:
Чѣмъ облегчить печаль твою могу?
Желаешь ты, чтобъ дядя твой и Луцій
И ты, и я – мы сѣли у ручья,
Потупя взоръ, чтобъ видѣть наши щеки
Запятнанными, словно непросохшіи
Отъ ила послѣ наводненія лугъ?
И будемъ всѣ глядѣть въ него, покуда
Свой сладкій вкусъ струи не потеряютъ,
Въ разсолъ – отъ слезъ горячихъ превратясь.
Иль отрубить, какъ у тебя, намъ руки?
Иль откусить языкъ, чтобъ въ немотѣ
Намъ провести остатки дней проклятыхъ?
Что дѣлать намъ? Пусть, языкомъ владѣя,
Такое дѣло страшное задумаемъ,
Что изумитъ грядущія вѣка.

ЛУЦІЙ.

Не плачь, отецъ. Несчастливая сестра
При видѣ скорби плачетъ и рыдаетъ.

203

<Сверху на странице расположена иллюстрация рисунка Джильберта (Gilbert) «Титъ Андроникъ и лишенная языка Лавинія».>

МАРКЪ.

Племянница, терпѣнье! Добрый Титъ,
Не надо слезъ.

ТИТЪ.

О, Маркъ, мой братъ, я знаю,
Не твой платокъ мои осушить слезы.
Ты самъ его слезами затопилъ.

ЛУЦІЙ.

Лавинія, тебѣ отру я щеки.

ТИТЪ.

Маркъ, посмотри. Я понимаю знаки.
Имѣй языкъ – она сказала-бъ то же,
Что я тебѣ: не можетъ скорбныхъ щекъ
Братъ осушить платкомъ отъ слезъ намокшимъ.
Единодушье въ скорби, утѣшенью
Столь чуждое, какъ небу – мрачный Лимбъ!

Входитъ ААРОНЪ.

ААРОНЪ.

Мой повелитель цезарь, Титъ Андроникъ,
Велѣлъ сказать; когда сыновъ ты любишь –
Пусть Луцій, Маркъ, иль самъ ты, старый Титъ,
Любой изъ васъ себѣ отрубить руку
И цезарю пошлетъ ее. Взамѣнъ
Онъ отошлетъ сыновъ твоихъ живыми.
Въ томъ состоитъ за преступленіе выкупъ.

ТИТЪ.

О, добрый цезарь! Кроткій Ааронъ!
Какъ жаворонокъ на восходѣ солнца –
Когда либо пѣвалъ ли черный воронъ?
Отъ всей души готовъ послать я руку;
Будь добръ, ее мнѣ помощи отсѣчь.

ЛУЦІЙ.

Отецъ, стой! Ту доблестную руку,
Которая столько враговъ сразила,
Нельзя рубить. Пусть отсѣкутъ мою,
Мнѣ въ юности потеря крови – легче,
Пусть кровь моя спасаетъ братьямъ жизньъ.

МАРКЪ.

Которая изъ вашихъ рукъ, въ защиту

204

Отечества, сѣкирой боевой
Не начертала гибели на шлемахъ
Враговъ его? Прославились обѣ.
Но праздною была моя. Пускай же
Племянниковъ спасетъ она, и тѣмъ
Она послужитъ для достойной цѣли.

ААРОНЪ.

Рѣшайте же: чью руку отрубить?
Не то, боюсь я, милость опоздаетъ.

МАРКЪ.

Мою.

ЛУЦІЙ.

Клянусь я небомъ, не твою.

ТИТЪ.

Друзья мои, не спорьте. Вырываютъ
Засохшую траву: мою рубите.

ЛУЦІЙ.

О, мой отецъ, когда я сынъ тебѣ –

Отъ смерти я спасу обоихъ братьевъ.

МАРКЪ.

Я заклинаю памятью отца
И матери заботами – пусть нынѣ
Явлю тебѣ я братскую любовь.

ТИТЪ.

Условьтесь вы. Я руку сохраню.

ЛУЦІЙ.

За топоромъ иду я.

МАРКЪ.

Для меня.

(Уходятъ ЛУЦІЙ и МАРКЪ).

ТИТЪ.

Я обману обоихъ. Помоги мнѣ
Своей рукой, взамѣнъ бери мою.

ААРОНЪ *(про себя)*.

Когда обманъ – такое дѣло, честнымъ
Останусь я, и такъ не обману,
Покуда живъ. Я обману иначе,
И ты о томъ чрезъ полчаса узнаешь.

(Отрубаетъ руку Титу).

Возвращаются ЛУЦІЙ и МАРКЪ.

ТИТЪ.

Оставьте споръ. Что надо – совершилось.
Съ моей рукою къ цезарю иди
Ты, Ааронъ. Скажи: ему защитой
Она была въ опасности, пускай же,
Хотя она и большого достойна –
Ее онъ похоронить. И скажи:
Сыновъ моихъ алмазами считаю,
Что дешево купилъ я, вмѣстѣ съ тѣмъ –
И дорого, такъ какъ они – мои.

ААРОНЪ.

Иду я. Жди взамѣнъ руки, Андроникъ,
Сыновъ твоихъ. *(Про себя)*.

Ихъ головы – вѣрнѣй.
Какъ низостью моею я насыщаюсь!
Пусть дураки творятъ добро, и тѣ
Кто бѣлолицъ – ждутъ милости. Да будетъ
Душа моя, какъ и лицо, черна.

(Уходитъ).

Титъ.

Единственную руку поднимаю
Я къ небесамъ, и опускаю долу
Развалину печальную. Когда
Есть въ мірѣ власть, что тронется слезами
Несчастливаго – зываю къ ней.

(Къ Лавиніи). Ты хочешь
Склонить со мною колѣна, дорогая?
Склони же ихъ. Мольбу услышитъ небо,
Иль вздохами затмимъ небесный сводъ,
И солнце – мглой, какъ тающія тучи
Его порой въ своемъ скрываютъ лонѣ.

Маркъ.

Братъ! Говори лишь о возможномъ. Въ бездну
Отчаянья и горя не впадай.

Титъ.

Ужель мои несчастья – не бездонны?
Да будетъ же такой бездонной скорбь.

Маркъ.

Пусть управляетъ этой скорбью разумъ.

Титъ.

Будь бѣдствіе разумнымъ – я въ предѣлахъ
И скорбь мою успѣлъ бы удержать.
Заплачетъ небо – залита земля,
Подуетъ вихрь – неистовствуетъ море
И небу ликомъ вздувшимся грозить.
Въ безсмыслицѣ найти ты хочешь разумъ.
Я – море. Слышишь, какъ она вздыхаетъ?
То – плачущее небо, я – земля.
И вздохъ ея мое волнуетъ море;
Въ потокъ непрерывномъ слезъ ея
Земля моя, наводнена, затонетъ.
Я горестей ея вмѣститъ не властенъ,

Какъ пьяница, ихъ долженъ изрыгать я.
Оставь меня. Кто многое утратилъ –
Находитъ облегченье, желчь изливъ.

Входитъ вѣстникъ, несущій двѣ головы и руку.

ВѢСТНИКЪ.

Андроникъ славный! Дурно заплатили
За доблестную руку, что послалъ

205

Ты Цезарю. Вотъ головы достойныхъ
Твоихъ сыновъ, а вотъ твоя рука
Отослана съ презрѣніемъ обратно.
Смѣшна имъ скорбь, смѣшна твоя рѣшимость.
Мысль о твоихъ страданьяхъ – мнѣ больнѣй,
Чѣмъ о родномъ отцѣ воспоминанье.

(Уходитъ).

МАРКЪ.

Въ Сициліи пускай остынетъ Этна
И пламенной гееной станетъ сердце!
Нѣтъ, больше – скорбь, чѣмъ это можно снести!
Лишь слезы съ тѣмъ, кто льетъ ихъ – облегченье,
Насмѣшка же надъ горемъ – смерть вдвойнѣ.

ЛУЦІЙ.

Какъ? Этотъ видъ глубоко ранитъ сердце,
А ненавистой жизни нѣтъ конца?
Дозволить смерть, чтобъ жизнью звали жизнь,
Когда одно есть благо въ ней – дыханье?

(Лавинія цѣлуетъ Тита).

МАРКЪ.

Отрады нѣтъ, увы, въ томъ поцѣлуѣ:
Холодная вода – змѣѣ замершей.

ТИТЪ.

Когда жъ конецъ мучительному сну?

МАРКЪ.

Прощай, самообманъ! Умри, Андроникъ.
Нѣтъ, ты не спишь. Вотъ головы сыновъ
И храбрая рука твоя, и дочь
Страдалица, и третій сынъ изгнанникъ,
Что пораженъ такимъ ужаснымъ видомъ,
Безкровенъ сталъ и блѣденъ, вотъ и я,
Какъ статуя – холодный и безгласный.
Нѣтъ, скорбь твою я сдерживать не стану.
Рви сѣдину серебристую, зубами
Грызи другую руку, и пускай
На то смежимъ очей несчастныхъ взоры.
Для бури – вотъ пора. Ты что же стихъ?

ТИТЪ.

Ха, ха, ха, ха!

МАРКЪ.

Смѣешься ты? Но время не для смѣха.

ТИТЪ.

Нѣтъ больше слезъ, притомъ же горе – врагъ
И захватить обильные слезами
Глаза мои желаетъ для того,
Чтобъ данью слезъ ихъ ослѣпить. Но какъ же
Тогда найду въ пещеру мщенья путь?
Мнѣ кажется, что говорятъ мнѣ эти
Двѣ головы, грозятъ, что не найду
Блаженства я, покуда не воздамъ
Я ужасомъ за ужасъ – всѣмъ виновнымъ.
Я обсужу, что сдѣлать предстоитъ.
Несчастные, вокругъ меня вы станьте,
Чтобъ каждому поклялся я душою:
За всѣ его страданья отомстить.
Поклялся я! Братъ, голову бери,
Въ моей рукѣ я понесу другую.
Лавинія, дамъ дѣло и тебѣ:
Дочь милая, отрубленную руку
Неси въ зубахъ. Ты, сынъ мой, удались.
Изгнанникъ ты, и здѣсь не долженъ медлить,
Отправься къ готамъ, войско собери,
Когда отца, какъ думаю, ты любишь –
Обнимемся, иди. Намъ много дѣла.

(Уходятъ Титъ, Лавинія и Маркъ).

Луцій.

Прости, отецъ мой, доблестный Андроникъ,
Несчастнѣйшій изъ всѣхъ, кто въ Римѣ жилъ.
Прости, Римъ гордый. Оставляетъ Луцій
Заложниковъ – любимыхъ больше жизни.
Лавинія, сестра моя, прости.
О, если-бъ ты была такой, какъ прежде!
Но Луцій и Лавинія живутъ
Въ забвеніи теперь, въ скорбяхъ жестокихъ,
И если буду живъ – я отомщу,
И Сатурнинъ съ его императрицей
Придутъ просить подачки у воротъ,
Какъ нѣкогда съ супругою Тарквиній.
Теперь иду, сберу войска у готовъ,
И Сатурнину съ Римомъ отомщу.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Тита съ накрытымъ столомъ.

Входятъ Титъ, Маркъ, Лавинія и юный Луцій, сынъ Луція.

Титъ.

Теперь – за столъ, и будемъ ѣсть не больше,
Чѣмъ слѣдуетъ, чтобъ силы сохранить
Для мщенія за горькія обиды.
Маркъ, развяжи ты узелъ, что затянутъ
Отчаяньемъ. Племянница твоя
И я – созданья жалкія – безруки,
И выразить сложенъемъ рукъ не можемъ
Скорбь – въ десять разъ сильнѣйшую всѣхъ въ мірѣ.
Лишь правая рука осталась мнѣ,
Чтобъ грудь терзать. Отъ горя обезумѣвъ,
Когда стучитъ въ тѣлесной клѣткѣ сердце –
Бью въ грудь себя, чтобъ усмирить его.
(Лавиніи). А ты – картина бѣдствій, скорбь твою

Передаешь ты знаками, и если
Безумно бьется сердце, ты не можешь
Его смирить, вотъ такъ ударивъ въ грудь.
Рань вздохами, убей его стенаньемъ,
Иль въ зубы ножъ возьми, и сдѣлай ранку
Ты противъ сердца, чтобъ лились туда
Изъ бѣдныхъ глазъ всѣ слезы, затопивъ
Соленой влагой скорбнаго безумца.

МАРКЪ.

Стыдись учить тому, чтобъ заносила
На жизнь свою она жестоко руки.

ТИТЪ.

Что? Не свела ли скорбь тебя съ ума?
Маркъ, я одинъ пусть буду сумасшедшимъ.
Какъ? Наложить ей руки на себя?
О, для чего сказалъ ты слово: руки?
Энея ль принуждать, чтобъ гибель Трои
И скорбь свою передавалъ онъ дважды?
Въ рѣчахъ своихъ ты не касайся рукъ,
Утрату ихъ намъ приводя на память.
О, что за бредъ! Какъ будто мы забудемъ,
Что рукъ своихъ лишились, если Маркъ
Упомянуть не будетъ слово: руки.
Но станемъ ѣсть. Дочь милая, отвѣдай
Вотъ этого. Нѣтъ за столомъ питья.
Послушай, Маркъ, мнѣ говоритъ она
(Я изучилъ мучительные знаки),
Что ничего⁸ за исключеньемъ слезъ,
Не пьетъ она – отъ горя накупѣвшихъ,
Разсолодѣвшихъ на ея щекахъ.
Страдалица безгласная! Проникну
Я въ мысль твою, искусень въ пониманьи
Нѣмыхъ движеній такъ же стану я,
Какъ нищіе монахи – въ ихъ молитвахъ.
Ты не вздохнешь и не поднимешь къ небу
Своихъ обрубковъ, глазомъ, головой
Не поведешь, не станешь на колѣни,
Не сдѣлаешь движенья – безъ того,
Чтобъ азбуку изъ нихъ я не составилъ,
И мысль твою не понялъ, изошрясь.

М А Л Ь Ч И К Ъ .

О, добрый дѣдъ, не надо горькихъ жалобъ,
Развесели забавной сказкой тетю.

М А Р К Ъ .

Мой милый мальчикъ! Горемъ потрясень,
Заплакалъ онъ, при видѣ скорби дѣда.

Т и т ь .

Не плачь. Изъ слезъ ты созданъ, нѣжный отпрыскъ,
Онъ растопятъ быстро жизнь твою.

(М а р к ъ ударяетъ ножемъ по блюду).

Т и т ь .

Что это, Маркъ, ударилъ ты ножемъ?

М А Р К Ъ .

То, что убилъ, мой повелитель, - муху.

Т и т ь .

Убійца, прочь! Ты сердце убиваешь.
Насилія видомъ взоръ мой пресыщенъ.
Невиннаго убійство – непристойно
Тебѣ, какъ брату Тита. Прочь отсюда!
Нѣтъ, вижу я, ты не подходишь къ намъ.

М А Р К Ъ .

Вѣдь я убилъ, о братъ мой, только муху.

Т и т ь .

А если у нея – отецъ и мать?
И крылышки повѣсивъ золотыя –
Такъ жалобно жужжать они начнутъ!
Несчастное, безвредное творенье!
Оно сюда влетѣло – насъ жужжаньемъ
Повеселить, а ты его убилъ!

М А Р К Ъ .

Прости мнѣ, братъ. Но черной, злою мухой,
Похожей на царицынаго мавра –
Была она, и я убилъ ее.

Т и т ь .

О, если такъ – прости мои упреки.

Ты сдѣлалъ дѣло доброе. Дай ножъ
И я надъ ней потѣшусь, представляя,
Что это – мавръ, явившійся нарочно,
Чтобъ отравить меня. А! Вотъ тебѣ!
А вотъ еще Таморѣ! Негодяи!
Я думаю, не такъ мы пали низко,
Чтобъ съ мухою не справиться, похожей
На черного, подобно углю, мавра.

МАРКЪ.

Увы! Бѣднякъ такъ горемъ удрученъ,
Что призраки за жизнь онъ принимаетъ.

ТИТЪ.

Прибратъ! Идемъ, Лавинія, со мной,
И въ комнатѣ твоей читать я стану
Былыхъ временъ печальные рассказы.
Пойдемъ, дитя. Глаза твои моложе,
Когда мои затмятся – ты читай.

(Уходятъ).

207

<Сверху на странице расположена иллюстрация рисунка Джильберта (Gilbert) «Лавинія называетъ имя осквернителя».>

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Передъ домомъ Тита.

Входятъ Титъ, Маркъ, потомъ юный Луцій, за которымъ бѣжитъ Лавинія.

МАЛЬЧИКЪ.

Дѣдъ, помоги! Лавинія вездѣ

Преслѣдуетъ меня, зачѣмъ – не знаю.
Бѣжитъ она, ты видишь, дядя Маркъ?
Но не пойму, чего желаетъ тетя?

МАРКЪ.

Стой близъ меня. Ея не бойся, Луцій.

ТИТЪ.

Тебѣ вреда не сдѣлаетъ она.

ЛУЦІЙ.

Да, при отцѣ меня любила тетя.

МАРКЪ.

Что знаками сказать она желаетъ?

ТИТЪ.

Ея не бойся, Луцій. Что то хочетъ
Она сказать, и ходитъ за тобой.
Она зоветъ тебя съ собой куда-то.
Корнелія такъ сыновьямъ своимъ

208

Усердно не читала, какъ тебѣ –
Она стихи и Туллія «Ораторъ».

МАРКЪ.

Зачѣмъ она такъ пристаеетъ къ тебѣ?

МАЛЬЧИКЪ.

Я не пойму и угадать не въ силахъ.
Быть можетъ съ ней – безумія припадокъ?
Дѣдъ говорилъ мнѣ часто, что предѣль
Страданія – къ безумію приводитъ.
Я самъ читалъ: троянская Гекуба
Отъ скорби помѣшалась, потому
Смутился я, хотя и знаю, дядя,
Что тетей былъ я болѣе любимъ,
Чѣмъ матерью, и не лишишь разсудка –
Меня пугать не стала бы она.

Но въ ужасѣ, быть можетъ безпричинномъ,
Я бросилъ книги и бѣжалъ. Прости
Мнѣ, дорогая тетя. Если дядя
И дѣдъ пойдутъ – послѣдовать я радъ
За милостью твоей.

МАРКЪ.

Иду я, Луцій.

(Лавинія переворачиваетъ книги, которыя уронилъ мальчикъ).

ТИТЪ.

Чего тебѣ, Лавинія? Что значить
Все это, Маркъ? Ей нужно видѣть книгу.
Какую же? Открой ихъ всѣ, дитя.
Но ты его начитанный, ученый,
Возьми изъ библіотеки моей
Любую ты, ища забвенья въ горѣ,
Покуда небо не откроетъ намъ
Проклятаго виновника злодѣйства.
Какую же? Зачѣмъ обрубки рукъ
Она поочередно поднимаетъ?

МАРКЪ.

Сказать она не хочетъ ли, что былъ
Виновный не одинъ? Ихъ было больше!
Иль небеса она о мщеніе молить?

ТИТЪ.

Какую книгу такъ она толкаетъ?

МАЛЬЧИКЪ.

Овидія «Метаморфозы», дѣдъ.
Даръ матери.

МАРКЪ.

Не изъ любви ль къ умершей
Она межъ всѣхъ избрала эту книгу?

ТИТЪ.

Она листы перевернуть спѣшитъ.
На помощь ей придите. Что ты ищешь,
Лавинія? Желаетъ, я прочту?
Трагическій рассказъ о Филомелѣ,
Насилии коварнаго Тероя?

Въ насильѣ – корень бѣдъ твоихъ, боюсь.

МАРКЪ.

О, какъ она вливается въ страницы!

ТИТЪ.

Лавинія, подобно Филомелѣ,
Подверглась ли насилію и ты –
Въ глухомъ лѣсу, безжалостномъ и темномъ?
Смотри, смотри! Такое жъ точно мѣсто
Какъ то, гдѣ мы охотились – (о, если-бъ
Охотиться не привелось тамъ!) –
Описано поэтомъ: для насилья
И злыхъ убійствъ – назначено природой.

МАРКЪ.

Ужасное не будь богамъ желанно –
Не создали бъ они подобныхъ дебрей.

ТИТЪ.

Тутъ – лишь свои. О, дочь моя, дай знакъ:
Кто изъ вельможъ – виновникъ злодѣянья?
Иль Сатурнинъ подкрался, какъ Тарквиній,
Покинувшій войска, затѣмъ чтобъ ложе
Лукреціи позоромъ запятнать?

МАРКЪ.

Племянница, и ты, мой братъ, садитесь,
Меня вы осѣните, о Юпитеръ,
Паллада, Аполлонъ, иль ты, Меркурій,
Чтобъ я открылъ злодѣйство. Братъ, смотри,
Лавинія, смотри. Песокъ тутъ ровень,

(Пишетъ на песокъ свое имя тростью, которую держитъ въ зубахъ).

Води, какъ я, ты тростью, если можешь.
Смотри сюда. Безъ помощи руки
Я имя написалъ. Тому проклятье,
Кто къ выдумкамъ подобнымъ насъ принудилъ!
Племянница, пиши, и наконецъ
Открой намъ то, что волей божества
Для мщенія должно открыться. Небо
Руководи перомъ твоимъ, чтобъ ясно
Намъ скорбь твою изобразило,
Предателей и правду всю открывъ.

(Лавинія беретъ трость въ зубы и пишетъ, поддерживая ее остатками рукъ).

ТИТЪ.

Прочелъ ли ты, о братъ, ея писанье?
Stuprum – Chiron-Demetrius.

МАРКЪ.

Какъ? Сыновья развратные Таморы –
Виновники кроваваго¹⁰ дѣянья?

209

ТИТЪ.

Magni domiator poli,
Tam lentus andis scelera? Tam lentus rides?

МАРКЪ.

Братъ, успокойся, я молю, хотя
Начертаннаго на землѣ – довольно,
Чтобъ возмутить кротчайшіе умы,
И яростью вооружить младенца.
Лавинія и братъ мой – на колѣни,
И ты, надежда Гектора изъ Рима,
Ребенокъ милый, всѣ клянитесь вы,
Какъ Юній Брутъ съ супругомъ и отцомъ
Лукреціи – позора жертвы чистой,
Что отомстимъ коварнымъ готамъ смертью,
Пропьемъ ихъ кровь, иль со стыдомъ умремъ.

ТИТЪ.

Все это такъ. Но какъ достигнуть цѣли?
Затронешь медвѣжатъ – бѣда тебѣ:
Медвѣдица пронюхаетъ, проснувшись,
Обидчика. Въ союзѣ тѣсномъ съ львомъ,
Она его, играя, усыпляетъ,
Валяясь передъ нимъ. Когда жъ онъ спитъ –
Все дѣлаетъ она, что ей угодно.
Ты, Маркъ, ловецъ неопытный. Оставь.
Пойдемъ, возьму я мѣдный листъ и сталью
Я вырѣжу на немъ ея слова,
Чтобъ ихъ сберечь. Вихрь съ сѣвера суровый

Песокъ размететь, какъ листы сивилль,
И гдѣ тогда урокъ твой? Что ты скажешь?

М а л ь ч и к ъ .

Скажу я, дѣдъ: будь я мужчиной – спальня
Ихъ матери отъ смерти бѣ не укрыла
Рабовъ негодныхъ римскаго ярма.

М а р к ъ .

Да, мальчикъ мой, своей неблагодарной
Отчизнѣ такъ же твой отецъ служилъ.

М а л ь ч и к ъ .

Останусь живъ – служить я такъ же стану.

Т и т ь .

Пойдемъ со мной, и въ оружейной, Луцій,
Я снаряжу тебя. Затѣмъ, дитя,
Снесешь ты сыновьямъ императрицы
Дары, что я обоимъ назначаю.
Идемъ, идемъ. Исполнишь порученье?

Л у ц і й .

Да, мой кинжалъ вонзится обоимъ въ грудь.

Т и т ь .

Не то, дитя. Другой здѣсь нуженъ способъ.
Лавинія, идемъ. Останься въ домѣ
Ты, Маркъ, а я и Луцій ко двору
Представимся, и намъ почетъ окажутъ.

(Титъ, Лавинія и Луцій уходятъ).

М а р к ъ .

О, небеса! Ужель стенанья добрыхъ
Вы слышите¹¹, не сжалившись надъ ними?
Охраной будь ему въ безумьи, Маркъ.
Онъ скорбныхъ ранъ имѣетъ въ сердцѣ больше,
Чѣмъ на щитѣ погнувшемся – рубцовъ.
Но въ правотѣ своей онъ мститъ не хочетъ.
Андроникъ, будь же небомъ отомщенъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Покой во дворцѣ.

Входятъ изъ одной двери Ааронъ, Деметрій, Хиронъ, изъ другой – молодой Луцій и служитель со связкою оружія, на которомъ видны надписи въ стихахъ.

Хиронъ.

Деметрій, къ намъ сынъ Луція пришелъ
Съ какимъ-то порученіемъ.

Деметрій.

Отъ дѣда
Безумнаго съ безумнымъ порученьемъ.

Мальчикъ.

Привѣтъ мой вамъ со всѣмъ смиреньемъ, принцы,
Отъ имени Андроника.

(Про себя). И римскихъ
Боговъ молю: обоихъ васъ стубить.

Деметрій.

Благодарю, но въ чемъ же новость, Луцій?

Мальчикъ *(про себя)*.

Лишь въ томъ, что въ васъ открыли наконецъ
Бездѣльниковъ, насильемъ заклеяменныхъ.
(Громко). Счастливому внушенью повинуюсь,
Шлетъ дѣдъ со мной изъ нашей оружейной
Вамъ лучшее свое оружье въ даръ –
Надеждъ Рима, юношамъ достойнымъ.
А съ нимъ велѣлъ имъ передать, и это
Передаю: чтобы въ случаѣ нужды –
Вы доброе оружіе имѣли.
Привѣтъ мой вамъ.

(Про себя). Кровавымъ негодяямъ.

(Уходятъ Луцій и слуга).

ДЕМЕТРІЙ.

Что это? Свитокъ съ надписью. Прочтемъ.
Integer vitae scelerisque purus,
Non eget Mauri jaculis nec arcu.

ХИРОНЪ.

О, это стихъ Горація, я знаю.
Давно его въ грамматикѣ читалъ.

ААРОНЪ.

Ну, да стихи Горація, вы правы.
(*Про себя*). Что значитъ быть ослами! Шутки плохи.
Вину открывъ, старикъ оружье шлетъ
Въ оберткѣ изъ стиховъ, что ранять больно.
Межъ тѣмъ они не ощущаютъ боли.
Будь на ногахъ императрица наша –
Одобрила-бъ она затѣю Тита.
Но пусть она покоится въ тревогъ!
(*Деметрію и Хирону*). Что, принцы, не счастливой ли звѣздой
Возведены мы въ Римъ – иноземцы,
Нѣтъ – плѣнники на эту высоту?
Я радуюсь, что у воротъ дворца
Трибуну вызовъ передъ Титомъ бросилъ.

ДЕМЕТРІЙ.

Мнѣ радостнѣй, что, подло унижаясь,
Намъ доблестный патрицій шлетъ подарки.

ААРОНЪ.

Не правъ ли онъ? не дружески ли, принцъ,
Вы съ дочерью его здѣсь поступили?

ДЕМЕТРІЙ.

На тысячѣ красавицъ римскихъ такъ же
Я утолить бы страсть мою хотѣлъ.

ХИРОНЪ.

Въ желаньѣ томъ – любовь и милосердье.

ААРОНЪ.

И ваша мать сказала¹² бы: аминь.

ХИРОНЪ.

Будь двадцать ихъ – она сказала-бъ то же.

ДЕМЕТРІЙ.

Помолимся, чтобъ матери любезной
Въ ея страданьяхъ боги помогли!

ААРОНЪ *(про себя)*.

Скорѣе – чортъ. Насъ позабыли боги. *(Трубы)*.

ДЕМЕТРІЙ.

Что цезарскія трубы такъ гремятъ?

ХИРОНЪ.

Наслѣдника рожденъе возвѣщая.

ДЕМЕТРІЙ.

Молчи. Кто тамъ идетъ.

Входитъ КОРМИЛИЦА *съ чернокожимъ ребенкомъ.*

КОРМИЛИЦА.

День добрый, принцы.
Вы Аарона-мавра не видали?

ААРОНЪ.

Да, больше или меньше иль совсѣмъ
Не видѣли. Здѣсь Ааронъ. Что нужно?

КОРМИЛИЦА.

Погибли мы, о добрый Ааронъ.
Спасай теперь, или ты погибъ навѣки.

ААРОНЪ.

Чего трещишь? Что комкаешь и прячешь
Ты въ рукахъ?

КОРМИЛИЦА.

Что отъ очей небесныхъ
Желала-бъ скрыть: позоръ императрицы
И также – Рима города позоръ.
Царица разрѣшилась, разрѣшилась...

ААРОНЪ.

Но отъ чего?

КОРМИЛИЦА.

Ну, словомъ, родила.

А А Р О Н Ъ .

Да ниспошлетъ спокойствіе ей боги.
Кого они ей даровали?

К О Р М И Л И Ц А .

Чорта.

А А Р О Н Ъ .

Мать чортова? Вотъ радостный приплодъ.

К О Р М И Л И Ц А .

Не радостный приплодъ, ужасный, черный!
Вотъ мальчуганъ; какъ жаба – мерзокъ онъ
Среди дѣтей прекраснѣйшихъ отчизны.
Императрица шлетъ твою печать,
Твой оттискъ – съ тѣмъ, чтобъ остріемъ кинжала
Ты окрестилъ его.

А А Р О Н Ъ .

Прочь, потаскуха!
Чѣмъ черный цвѣтъ позоренъ? Мой пузанъ!
Прекраснѣйшій ты отпрыскъ!

Д Е М Е Т Р І Й .

О, бездѣльникъ,
Что сдѣлалъ ты?

<Сверху на странице расположена иллюстрация картины английского художника Кирка (Thomas Kirk, 1797) «Лавинія при чтеніи Энеиды».>

А А Р О Н Ъ .

Чего не передѣлать.

Х И Р О Н Ъ .

Ты нашу мать сгубилъ.

А А Р О Н Ъ .

Нѣтъ, усугубилъ.

Д Е М Е Т Р І Й .

И тѣмъ ее, песь адскій, загубилъ.
Да будетъ проклятъ этотъ новый выборъ!
Проклятіе чертовскому отродю!

Х И Р О Н Ъ .

Онъ жить не будетъ.

А А Р О Н Ъ .

Нѣтъ, онъ не умретъ.

К О Р М И Л И Ц А .

Онъ долженъ умереть. Такъ мать желаетъ.

А А Р О Н Ъ .

Онъ долженъ? Пусть надъ кровью и надъ плотью
Моими – самъ исполню приговоръ.

Д Е М Е Т Р І Й .

На остріе меча охотно будетъ
Посаженъ мною этотъ головастикъ.
Дай мнѣ его. Мой мечъ покончить съ нимъ.

А А Р О Н Ъ .

Я распорю животъ тебѣ скорѣе.

(Беретъ ребенка у кормилицы и обнажаетъ оружіе).

Негодные убійцы, прочь! Хотите
Вы брата умертвить? Но поклянусь

Я свѣточами неба, что сіяли
Такъ ярко въ часъ зачатія его:
Отъ остраго меча погибнетъ каждый,
Кто первенца коснется моего,
Наслѣдника! Молокососы, знайте:
Ни Энцекладъ съ ордой Тифона грозной,

Алкидъ великій, или богъ войны –
Изъ рукъ отца добычи не отнимуть.
Жестокіе, бездушные юнцы,
Покрытыя известкой бѣлой стѣны
И вывѣски трактировъ росписныя!
Цвѣтъ самый черный – лучший изъ цвѣтовъ,
Такъ какъ другихъ цвѣтовъ не принимаетъ.
Не обѣлятъ всѣ воды океана
Лапъ лебедя, хотя и ежечасно
Онъ омываетъ ихъ въ его волнахъ.
Скажи императрицѣ: я настолько
Уже въ годахъ, чтобъ уберечь свое.
Пускай она приищеть оправданье.

ДЕМЕТРІЙ.

Какъ? Славную ты госпожу предашь?

ААРОНЪ.

Мнѣ госпожа и будетъ госпожею,
А это – я, мое подобье въ дѣтствѣ
По облику и мощи. Мнѣ милѣй
Вселенной онъ, и міру вопреки –
Спасу его, иль ктонибудь изъ васъ
Поплатится своею кровью въ Римѣ.

ДЕМЕТРІЙ.

Изъ-за него – стыдъ матери навѣки.

ХИРОНЪ.

За черную ошибку ей воздастъ
Презрѣньемъ Римъ.

КОРМИЛИЦА.

Казнить прикажетъ цезарь.

ХИРОНЪ.

Краснѣю я при мысли о позорѣ.

ААРОНЪ.

Одно изъ преимуществъ красоты!
Предательскій отгѣнокъ! Тайны сердца
И помысловъ – онъ краской выдаетъ.
Вотъ мальчуганъ иного цвѣта! Смотритъ
Плутишка черный на отца съ улыбкой,

Мнѣ говорящей: - Старина, я твой! –
Вѣдь онъ – вашъ братъ, и той же самой кровью,
Которая вамъ жизнь дала – питался;
Изъ той утробы, гдѣ сидѣли вы,
Освободясь, и онъ на свѣтъ явился.
Нѣтъ, онъ вашъ братъ съ вѣрнѣйшей стороны,
Хотя моей печатью онъ отмѣченъ.

КОРМИЛИЦА.

Что жъ, Ааронъ, скажу императрицѣ?

ДЕМЕТРІЙ.

Совѣтуй намъ: что дѣлать, Ааронъ?
Послѣдуемъ мы твоему совѣту.
Спаси дитя, но такъ, чтобъ мы спаслись.

ААРОНЪ.

Присядемъ же и станемъ совѣщаться.
Мой сынъ и я – гдѣ понадежнѣй сядемъ.
Останьтесь тамъ. Теперь поговоримъ.

(Садятся).

ДЕМЕТРІЙ.

А сколько женщинъ видѣли ребенка?

ААРОНЪ.

Вотъ, принцы, такъ. Коль скоро – мы въ ладу,
Ягненокъ я, но лишь затроньте мавра –
Ни разъяренный вихрь, ни львица горь,
Ни океанъ – такъ бушевать не могутъ,
Какъ Ааронъ. Но сколько женщинъ было?

КОРМИЛИЦА.

Корнелія – такъ имя бабки, я
Съ родильницей, самой императрицей.

ААРОНЪ.

Царица, ты и бабка! Могутъ тайну
Двѣ охранить, когда не будетъ третьей
Ступай, скажи о томъ императрицѣ.

(Закалываетъ ее).

Вотъ такъ свинья предъ вертеломъ визжить.

ДЕМЕТРІЙ.

Что значить, Ааронъ, такой поступокъ?

А А Р О Н Ъ .

Его рождаетъ осторожность, принцъ.
Ей жить за тѣмъ, чтобъ вѣдать преступленье?
Такой болтунъ съ длиннымъ языкомъ?
Нѣтъ, принцы, нѣтъ. Вотъ что я замышляю.
По близости живетъ Мулей, землякъ мой.
Жена его вчера лишь разрѣшилась,
Дитя – въ нее, и бѣлое, какъ вы.
Столкуйтесь съ нимъ и матери отсыпьте
Вы золота, подробно разъяснивъ,
Какъ сынъ ихъ возвеличится и будетъ
Онъ цезаря наслѣдникомъ сочтенъ,
Когда собой онъ моего замѣнитъ –
Чтобъ при дворѣ предотвратитъ грозу,
И цезарь сталъ его, какъ сына, нянчить.
Такъ, принцы. Ей лѣкарство я нашель,

(Указывая на трупъ).

Вы объ ея похоронахъ заботьтесь:
Поля вблизи, вы оба – молодцы.

213

*<На странице расположена иллюстрация картины Т. Кирка (Th. Kirk)
«Ааронъ защищаетъ своего ребенка».>*

Покончивъ съ ней, пришлите повитуху.
Кормилицу и повитуху сплавлю,
И пусть, бабье болтаютъ, что хотятъ.

Х И Р О Н Ъ .

Какъ вижу, ты не выдашь тайну вѣтрамъ.

Д Е М Е Т Р І Й .

И за твои заботы о Таморѣ
Она и мы признательны тебѣ.

(Деметрій и Хиронъ уходятъ, унося тѣло кормилицы).

А А Р О Н Ъ .

Теперь лечу, какъ ласточка, я къ готамъ.
Сокровище, что я держу въ объятыхъ –
Укрою тамъ, къ друзьямъ императрицы
Найду пути. Впередъ, губастый плутъ:
Изъ-за тебя къ уловкамъ прибѣгаю.
Велю тебя кореньями кормить
И ягодой, и простоквашей. Будешь
Сосать козу, въ пещерѣ жить – за тѣмъ,
Чтобъ воиномъ ты сталъ и полководцемъ.

(Уходитъ съ ребенкомъ).

СЦЕНА III.

Площадь.

Входятъ ТИТЪ, несущій стрѣлы къ концамъ которыхъ прикрѣплены письма. За нимъ МАРКЪ, юный ЛУЦІЙ и другіе патриціи со стрѣлами.

ТИТЪ.

Идемъ же, Маркъ. Вотъ, родичи, дорога.
Ну, покажи свою стрѣльбу мнѣ, мальчикъ.
Вѣрнѣе цѣль, и попадетъ стрѣла.
Terras Astrea reliquit.
Запомни, Маркъ: она упала, скрылась.
Орудія, друзья, берите. Вы
Измѣрьте океанъ, забросивъ сѣти,
И, можетъ быть, ее найдете въ морѣ.
Но правды въ немъ, какъ и на сушѣ – нѣтъ.
Исполнить это, Публий и Семпроній,
Вамъ надлежитъ. До средоточья землю
Проройте всю лопатою и ломомъ,
Въ странѣ его Плутону передайте
Мольбу мою, сказавъ ему, что эта
О помощи и правосудьи просьба –
Отъ стараго Андроника идетъ,
Что страждетъ здѣсь, въ неблагодарномъ Римѣ.
О, Римъ! Ну, да, ему принесъ я горе
Въ тотъ день, какъ далъ народа голоса
Тому, кѣмъ я такъ нынѣ угнетаемъ.
Идите же. Внимательнѣе будьте,

Военныя суда всѣ осмотрите.
Злой цезарь могъ услать его туда,
И гдѣ тогда искать намъ правосудья?

МАРКЪ.

Не страшно ли, что славный дядя твой
Является въ такомъ разстройствѣ, Публий?

ПУБЛИЙ¹³.

Вотъ почему должны мы днемъ и ночью
Заботливо присматривать за нимъ,
Причудамъ потакать, покуда время
Цѣлительнаго средства не пошлетъ.

МАРКЪ.

Для горестей его нѣтъ исцѣленья.
Соединимся съ готами войною
Губительной. Неблагодарный Римъ
И Сатурнинъ-предатель да погибнуть!

ТИТЪ.

Ну, Публий, что? Нашли его, друзья?

ПУБЛИЙ.

Нѣтъ, но Плутонъ такъ извѣщаетъ, дядя,
Что если ты въ аду возмездья ищешь,
То за тебя отмстятъ, а правосудье

214

Такъ занято съ Юпитеромъ на небѣ,
Иль гдѣ-нибудь еще въ иныхъ мѣстахъ,
Что обождать придется противъ воли.

ТИТЪ.

Но подчуя отсрочкой – онъ не правъ.
Я въ озеро кипящее геены
Самъ погружусь и вытащу за пятки
Возмездіе изъ ахеронскихъ волнъ.
Маркъ, мы – кусты, не кедры, не подобье
Циклоповъ-исполиновъ, но металлъ.

Изъ стали мы вплоть до спины, и все же
Страданій гнетъ не выдержать спина.
Когда въ аду и здѣсь нѣтъ правосудья –
Боговъ небесныхъ станемъ умолять:
Послать его на землю для отмщенья.
Ну, примемся. Ты, Маркъ – стрѣлокъ искусный (*даетъ стрѣлы*).
Ad Iovem – для тебя. Ad Apollonem,
Ad Martem – это будетъ для меня.
Тебѣ, дитя, къ Палладѣ, вотъ другая –
Къ Меркурію. Тебѣ – къ Сатурну, когда
Не къ Сатурнину, такъ какъ было-бъ это –
Пусканьемъ стрѣлъ на воздухъ. Ну, дитя,
И также, Маркъ, когда скажу – стрѣляйте.
Повѣрьте, я писалъ не наобумъ,
Ко всѣмъ богамъ я съ просьбой обратился.

МАРКЪ.

Друзья, пускайте стрѣлы во дворецъ,
Пусть въ гордости униженъ будетъ цезарь.

ТИТЪ.

Теперь стрѣлай!

(*Они пускаютъ стрѣлы*).

Чудесно, мальчикъ! Въ лоно
Попалъ ты Дѣвѣ. Передай Палладѣ.

МАРКЪ.

Братъ, цѣлюсь я на милю за луну.
Письмо твое теперь Юпитеръ принялъ.¹⁴

ТИТЪ.

Что сдѣлалъ ты, о Публий? У Тельца
Ты рогъ одинъ отбилъ своей стрѣлою.

МАРКЪ.

Въ томъ и потѣха! Публиемъ задѣтъ,
Телецъ отшибъ у Овна оба рога,
Которые упали во дворецъ.
Кто жъ ихъ нашелъ? Царицынъ негодяй!
Захочотавъ, она ему сказала,
Чтобъ цезарю онъ ихъ поднесъ, какъ даръ.

ТИТЪ.

И подѣломъ. Пусть радуется цезарь!

(Входит поселянинъ, несущій корзину съ парюю голубей).

Вѣсть! Съ неба вѣсть! Приходитъ почта, Маркъ!
Что новаго! Есть письма? Правосудье
Окажутъ мнѣ? Что говоритъ Юпитеръ?

Поселянинъ. Поставщикъ висѣлицъ? Онъ говоритъ, что снялъ висѣлицу, такъ какъ осужденный не будетъ повѣшенъ ранѣе будущей недѣли.

Титъ. Хочу я знать: что говоритъ Юпитеръ.

Поселянинъ. Не знаю Джо Питера, никогда въ жизни съ нимъ не пивалъ.

Титъ. Какъ, негодяй? Ты значитъ не разнощикъ?

Поселянинъ. Лишь голубей, и ничего другого.

Титъ. Но развѣ ты явился не съ небесъ?

Поселянинъ. Съ небесъ? Отродясь не бывалъ тамъ, господинъ. Боже упаси, чтобы я сталъ туда торопиться, будучи въ молодыхъ годахъ! Я иду съ голубями къ трибуну плебеевъ, чтобы онъ уладилъ ссору между моимъ дядей и однимъ изъ слугъ императора.

Маркъ. Это очень кстати, братъ. Онъ передастъ императору твою рѣчь. Пусть онъ поднесетъ ему голубей отъ твоего имени.

Титъ. Можешь ли ты достойно передать порученіе?

Поселянинъ. Ни разу въ жизни не могъ проговорить «Достойно».

Титъ.

Поди сюда, довольно разсужденій,
Но цезарю ты голубей отдай,
И чрезъ меня получишь правосудье.
Пока возьми. Вотъ деньги за труды.
Чернила и перо сюда подайте.
Ты можешь ли исполнить все достойно?

Поселянинъ. Могу, господинъ.

Титъ. Такъ вотъ тебѣ мое прошеніе. Когда предстанешь цезарю, прежде всего ты долженъ стать на колѣни, потомъ поцѣловать его ногу, затѣмъ – передать голубей и наконецъ – ожидать награды. Я буду поблизости. Смотри, исполни все, какъ слѣдуетъ.

Поселянинъ. Ручаюсь, господинъ. Положитесь на меня.

Титъ.

Есть ножъ съ тобою? Покажи его.
Ты, Маркъ, вложи его въ мое прошенье,
Что писано просителемъ смиреннымъ.
Когда его ты цезарю вручишь,
Зайди ко мнѣ сказать, что онъ отвѣтилъ?

<Сверху на странице расположена иллюстрация рисунка Джильберта (Gilbert) «Поселянинъ».>

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Да сохранять васъ боги. Я приду.

ТИТЪ.

Маркъ, мы идемъ. За ними слѣдуй, Публий.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Передъ дворцомъ.

Входятъ Сатурнинъ, Тамора, Деметрій, Хиронъ, патриции и проч. У Сатурнина въ рукахъ стрѣлы, пуценныя Титомъ.

САТУРНИНЪ.

Патриціи, не оскорбленіе ль въ этомъ?
 Когда либо дерзали ль приставать
 Такъ, къ цезарю, за безпристрастный судъ
 Съ презрѣніемъ ему бросая вызовъ?
 Извѣстно вамъ, какъ и богамъ могучимъ
 (Что-бъ ни жужжали тѣ народу въ уши,
 Кѣмъ нашъ покой нарушенъ) – по закону
 Поступлено здѣсь было съ сыновьями
 Мятежными Андроника. И въ немъ
 Коль скоро скорбь разсудокъ помутила –
 Ужель должны мы выносить безумье,
 Нападки, желчь, всѣ выходки его?
 Онъ къ небесамъ о правдѣ шлетъ воззванья:
 Къ Юпитеру, къ Меркурію и къ Марсу
 И къ Аполлону; кстати ль, чтобъ летали
 По улицамъ такія письма въ Римѣ?
 Вѣдь ими онъ клеветаетъ на сенатъ,

Кричить вездѣ, что мы неправосудны.
Патриціи, не дерзкая ли шутка?
Не значить ли она, что правосудья
Здѣсь, въ Римѣ, нѣтъ? Но если буду живъ –
Безуміемъ притворнымъ прикрывать
Онъ дерзости не станетъ. Онъ узнаетъ
И родъ его, что правосудье – живо,
Какъ цезарь самъ. Но онъ его разбудить
И въ ярости сотретъ оно съ земли
Того, кто всѣхъ мятежниковъ надменнѣй.

ТАМОРА.

О, государь, мой Сатурнинъ, надъ жизнью
Моею господинъ, властитель думъ,
Смири свой гнѣвъ и снизойди къ проступкамъ
Ты старческимъ, что вызваны тоской
О храбрыхъ сыновьяхъ. Вѣдь ихъ утратой
Глубоко былъ онъ въ сердце пораженъ.
Его утѣшь скорѣй ты въ горькой долѣ,

216

<Сверху на странице расположена фотография античной статуи из Флоренции (Loggia dei Lanzi), так называемая «Туснельда», которая «по типу подходитъ къ царицѣ Готовъ» и озаглавлена «Древне-германская женщина».>

Чѣмъ лучшихъ или худшихъ за обиды
Преслѣдовать.
(Про себя). Таморѣ хитроумной
Такъ дѣйствовать со всѣми надлежитъ.
Но мною, Титъ, задѣтъ ты за живое,
И льется кровь. Будь мудрымъ, Ааронъ –
Все спасено, и мы бросаемъ якорь.

(Входитъ поселянинъ).

Ты, молодецъ, имѣешь дѣло къ намъ?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Да, если ваша милость – императоръ.

ТАМОРА.

Императрица я, вотъ – императоръ.

ПОСЕЛЯНИНЪ. А, это онъ. Да pošлють тебѣ удачу Богъ и св. Стефанъ.
Приношу тебѣ письмо и пару голубей.

САТУРНИНЪ (*прочитавъ письмо*).

Увестъ его, пускай его повѣсятъ.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

А? Золота мнѣ сколько же отвѣсятъ?

ТАМОРА.

Ступай! Сейчасъ повѣшенъ будешь ты.

ПОСЕЛЯНИНЪ. Повѣшенъ? Клянусь Богоматерью, къ хорошему концу
привелъ я свою шею.

(*Уходитъ подъ стражею*).

САТУРНИНЪ.

Жестокая несносная обида!
Стерпѣть ли мнѣ чудовищную гнусность?
Мнѣ вѣдомо, откуда все идетъ.
Могу ль ее перенести? Какъ будто
Измѣнники, сыны его, закономъ
Казненные за гибель Вассіана –
Умерщвлены не правосудно были?
За волосы тащить его сюда!
Не охранять его ни санъ, ни годы.
Тебя казню за дерзкую насмѣшку,
Безумецъ вѣроломный, мнѣ помогшій
Возвыситься – чтобъ мной и Римомъ править!

(*Входитъ Эмилиѣ*).

Какую вѣсть, Эмилиѣ, ты несешь?

ЭМИЛИѣ.

Къ оружію, патриціи! Въ защитѣ
Римъ никогда такъ сильно не нуждался.
Вновь готы поднялись и съ цѣлымъ войскомъ
Рѣшительныхъ людей, къ добычѣ жадныхъ –
Идутъ сюда. Андроника сынъ, Луцій –
Вождемъ у нихъ; изъ мести угрожаетъ
Свершить онъ то же, что Коріоланъ.

САТУРНИНЪ.

Вождемъ у готовъ мужественный Луцій?
Вѣсть эта леденить меня, и никну
Я головою, какъ цвѣты въ морозы
Иль бурею побитая трава.
Бѣда близка, вѣдь, онъ любимъ народомъ.
Неузнаннымъ гуляя, слышалъ я,
Что Луцій былъ несправедливо изгнанъ,
И цезаремъ имѣть его хотятъ.

ТАМОРА.

Къ чему боязнь? Не защищенъ ли городъ?

САТУРНИНЪ.

Но граждане такъ Луція всѣ любятъ.
Они возстанутъ, чтобъ ему помочь.

ТАМОРА.

Будь въ помыслахъ ты царственныхъ, о цезарь.
Не комарамъ затмить сіянье солнца,

217

Орелъ даетъ и малымъ птицамъ пѣть –
Увѣренный, что можетъ по желанью
Онъ тѣнью крылъ напѣвъ ихъ заглушить.
И ты глупцамъ здѣсь предпиши молчанье.
Развеселись; знай, цезарь, очарую
Я стараго Андроника рѣчами,
Что сладостнѣй и вмѣстѣ съ тѣмъ – опаснѣй,
Чѣмъ дятлина – овцѣ, приманка – рыбѣ,
Когда овца отъ сладкой пищи мретъ,
И ранена крючкомъ приманки рыба.

САТУРНИНЪ.

Но Титъ за насъ просить не станетъ сына.

ТАМОРА.

Когда его я упрошу – попросить.
Слухъ старческій его смягчить съумѣю
Посредствомъ обѣщаній золотыхъ
И будь онъ глухъ и сердцемъ неприступенъ –

Языкъ мой покорить и слухъ, и сердце.
(Эмилию). Ступай впередъ – посломъ отъ насъ, скажи,
Что съ Луціемъ воинственнымъ желаетъ
Переговоровъ цезарь. Въ домъ старца
Андроника – свиданье онъ назначилъ.

САТУРНИНЪ.

Исполни все, какъ надлежитъ, Эмилиѣ.
И если онъ заложниковъ захочетъ –
Скажи: пусть онъ ихъ выбираетъ самъ.

ЭМИЛІЙ.

Я въ точности исполню порученье.

(Уходитъ).

ТАМОРА.

Я къ старому Андронику иду.
Употребляю я все мое искусство,
Чтобъ Луція надменнаго отвлечь
Отъ мужественныхъ готовъ. Милый цезарь
Развеселись скорѣй, и схорони
Ты въ ловкости моей свою тревогу.

САТУРНИНЪ.

Проси его, съ успѣхомъ возвратись.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Равнина близъ Рима.

Входятъ Луцій и готы, съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами.

ЛУЦІЙ.

Испытанные воины, друзья
Мнѣ вѣрные! Великій Римъ шлетъ письма,
Которыя гласятъ, какъ ненавидятъ
Тамъ цезаря и жаждутъ видѣть насъ.

Итакъ, вожди, по праву будьте грозны,
Спѣшите мстить; за каждую обиду,
Которую вамъ Римъ нанесъ – тройного
Потребуйте себѣ вознагражденья.

1-й готъ.

Андроника-героя славный отпрыскъ,
Ты, имя чье грозою было намъ
И сдѣлалось надеждой, чьи дѣянья
Великія и подвиги – презрѣньемъ
Вознаградилъ неблагодарный Римъ, -
Довѣрся намъ. Пойдемъ съ тобою всюду,
Какъ въ жаркій полдень жалящія пчелы
За маткою летятъ на лугъ цвѣтущій.
Таморъ мы проклятой отомстимъ.

Готы.

Его слова мы повторить готовы.

Луцій.

Васъ и его благодарю усердно.
Но къ намъ кого приводитъ статный готъ?

Входитъ готъ, ведя Аарона съ ребенкомъ на рукахъ.

2-й готъ.

Я отошелъ отъ войска, славный Луцій,
Монастыря развалины смотрѣть.
Покуда я разглядывалъ подробно
Путынную обитель – крикъ ребенка
Я у стѣны услышалъ и пошелъ
На этотъ крикъ, но голосъ услыхалъ я:
«Молчи, рабъ черный – мой наполовину,
Наполовину – матери твоей!
Не выдай цвѣтъ твое происхождение,
Будь созданъ ты похожимъ лишь на мать –
Ты цезаремъ, бездѣльникъ, могъ бы стать.
Но если быкъ съ коровой – столь же бѣлы,
Какъ молоко, то черного, какъ уголь,
Они вовѣкъ теленка не зачнутъ.
Плутъ, замолчи!» Такъ онъ журилъ ребенка.
«Тебя снесу я къ преданному готу;

Узнавъ, что ты – дитя императрицы,
Онъ для нея любовь тебѣ окажетъ»,
Мечъ обнаживъ, тутъ кинулся къ нему я,
Напалъ врасплохъ и привожу сюда,
Чтобъ ты рѣшилъ, какъ поступить съ нимъ надо?

Луцій.

Достойный готъ, вотъ воплощенный дьяволъ,
Андроника руки его лишившій,
Жемчужина очей императрицы!
Вотъ гнусный плодъ ихъ похоти постыдной.
Стой, бѣлоглазый рабъ! Куда несешь
Ты дьявольскаго лика своего
Подобіе живое? Что жъ молчишь ты?
Иль ты оглохъ? Ни слова! Эй, веревку!
На деревъ сейчасъ его повѣсить,
А рядомъ съ нимъ – прелюбодѣйства плодъ!

Ааронъ.

Не трогайте его. Онъ – царской крови.

Луцій.

Онъ черезчуръ походить на отца,
Чтобъ отъ него добра намъ ждать. Повѣсьте
Его сперва, отецъ на корчи сына
Пусть поглядитъ: душѣ отцовской пытка.
Эй, лѣстницу!

(Приносятъ лѣстницу. Аарона заставляютъ подняться на нее).

Ааронъ.

Спаси ребенка, Луцій,
И отъ меня снеси императрицѣ.
Исполнишь это – многое, что очень
Полезно знать и чудное – открою.
Не хочешь – будь, что будетъ. Не скажу
Ни слова я, и да сразитъ васъ мщенье!

Луцій.

Ну, говори. Доволенъ буду я –
Ребенка пощажу и воспитаю.

А А Р О Н Ъ .

Доволенъ ли? Будь, Луцій, въ томъ увѣренъ,
То, что скажу – всю душу растерзаетъ.
Заговорить я долженъ о рѣзнѣ,
Насиліяхъ, дѣяньяхъ ночи темныхъ,
О злыхъ дѣлахъ, о замыслахъ злодѣйскихъ,
Предательскихъ, что возмущаютъ слухъ
И свершены безъ жалости. Все это
Схоронено въ моей могилѣ будетъ,
Лишь поклянись, что не умреть дитя.

Луцій.

Все говори. Живъ твой ребенокъ будетъ.

А А Р О Н Ъ .

Ты поклянись, и я начну разскажъ.

Луцій.

Чѣмъ поклянусь? Вѣдь ты въ боговъ не вѣришь,
Такъ какъ же ты моей повѣришь клятвѣ?

А А Р О Н Ъ .

А еслибъ и не вѣрилъ? Да, не вѣрю.
Но знаю я: ты вѣришь, у тебя
Та штука есть, что совѣстью зовется.
Ты разные поповскіе обряды
И фокусы, я видѣлъ, исполняешь,
Вотъ почему и клятвы я хочу.
Вѣдь идола глупцы считаютъ богомъ
И клятву держать, данную предъ нимъ.
Клянись же мнѣ вотъ этимъ самымъ богомъ,
Кто бъ ни былъ онъ, которому ты служишь
И чтишь его – спасти мое дитя,
Кормить его и вырастить. Иначе
Не расскажу тебѣ я ничего.

Луцій.

Клянусь тѣмъ самымъ богомъ – все исполню.

А А Р О Н Ъ .

Ребенокъ мой – прижить съ императрицей.

Луцій.

О, женщина, чья похоть ненасытна!

А А Р О Н Ъ .

Но это – дѣло доброе въ сравненѣ
Съ тѣмъ что сейчасъ тебѣ скажу я, Луцій.
Убить ея сынами Вассіанъ,
Сестрѣ твоей отрѣзали языкъ,
Насилія надъ ней они свершили,
Ей орубили руки, разукрасивъ
Какъ видишь ты.

Л у ц і й .

Презрѣнный негодяй!
Ты называешь это: разукрасить?

А А Р О Н Ъ .

Ну, да, ее подрѣзали, умыли,
Подкрасили. Для тѣхъ кто потрудился
Надъ нею такъ – прекрасная потѣха!

Л у ц і й .

Чудовища и варвары, какъ ты!

А А Р О Н Ъ .

Я именно – наставникъ ихъ, а похоть
Въ наслѣдство имъ отъ матери досталась:
Такъ вѣрно, какъ и то, что картой взятку
Берутъ въ игрѣ. Свою же кровожадность
Они пожалуй взяли у меня.
И это – вновь такъ вѣрно, какъ и то,
Что кровный песь всегда за грудь хватаетъ.
Заслугъ моихъ свидѣтельство – дѣла,

<Сверху на странице расположена иллюстрация рисунка Джильберта (Gilbert) «Луцій въ главѣ готовъ».>

Къ той ямѣ злой, могилѣ Вассіана,
Я заманилъ твоихъ обоихъ братьевъ.
Я написалъ найденное отцомъ
Твоимъ письмо, и золото я спряталъ,

Которое въ письмѣ упоминалось.
Съ Таморой и ея сынами вмѣстѣ
Я дѣйствовалъ. Хотя одна изъ бѣдъ
Случалась ли безъ моего участя?
Обманомъ я у Тита отнялъ руку;
Добывъ ее, я скрылся и едва
Отъ хохота не разорвалось сердце.
Сквозь щель стѣны глядѣлъ я, какъ взамѣнъ
Руки своей – лишь головы сыновъ
Онъ получилъ. Я видѣлъ, какъ онъ плакалъ,
И я хохоталъ громко, такъ что слезы,
Какъ у него, затмили мнѣ глаза.
Когда-жъ Таморъ шутку разсказалъ я –
То, выслушавъ забавный мой разсказъ,
Она едва сознанья не лишилась,
И двадцать разъ меня поцѣловала.

Готъ.

Такъ говорить ты можешь, не краснѣя?

Ааронъ.

Пословица гласитъ: какъ черный песь.

Луцій.

Не каешься въ своихъ дѣяньяхъ гнусныхъ?

Ааронъ.

Что въ тысячу разъ больше не грѣшилъ!
Клянусь я день – подобное проклятье
Къ немногимъ днямъ относится, когда я
Не совершилъ значительнаго зла:
Не убивалъ, не замышлялъ убійства,
Не совершалъ насилья, иль другого
Не подбуждалъ къ нему, не обвинялъ
Невиннаго и ложно я не клялся,
Не поселялъ межъ двухъ друзей вражды,
Не поломалъ скоту бѣдняги шею,
Не поджигалъ въ ночи стоговъ и житницъ.
Выкапывалъ я трупы изъ могилъ,
И ставилъ ихъ предъ дверью ихъ друзей,
Когда печаль утраты утихала;
На кожѣ мертвецовъ – какъ на корѣ,
Латинскія вырѣзывалъ я буквы:
«Хотя я мертвъ, да не умретъ печаль».

Я тысячи другихъ дѣяній гнусныхъ
Свершалъ легко, какъ муху убиваютъ,
И мнѣ всего прискорбнѣе, что больше
Ихъ въ десять тысячъ разъ не совершу.

Луцій.

Взять дьявола! Нѣтъ, умереть отъ петли
Не долженъ онъ – такою легкой смертью!

Ааронъ.

Пусть дьяволомъ, коль скоро дьяволъ есть –
Живу, горю въ огнѣ неугасимомъ,
Лишь только бы мнѣ съ вами быть въ аду
И языкомъ васъ жалить ядовитымъ.

Луцій.

Зажмите ротъ ему, пускай молчить.

Входитъ Готъ.

Готъ.

Вождь, вотъ посолъ изъ Рима, онъ желаетъ
Явиться предъ тобою.

Луцій.

Пусть войдетъ.

Входитъ Эмилиій.

Привѣтъ, Эмилиій. Что за вѣсть изъ Рима?

Эмилиій.

Достойный Луцій, готскіе вельможи,
Черезъ меня привѣтствуетъ васъ цезарь.
Узнавъ, что вы оружье взяли – хочетъ
Онъ въ домъ твоего отца въ переговоры
Вступить съ тобой. Заложниковъ отъ насъ
Потребуй лишь – ихъ выдадутъ немедленно.

1-й Готъ.

Что говорить нашъ вождь?

Луцій.

Пускай отцу
И дядѣ Марку цезарь передастъ
Заложниковъ, и мы придемъ. Ступайте.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Римъ. Передъ домомъ Тита.

Входятъ переодѣтые: ТАМОРА, ХИРОНЪ и ДЕМЕТРІЙ.

ТАМОРА.

Въ одеждѣ этой странной и печальной
Андронику предстану, назовусь
Я посланной изъ преисподней Местью,
Что отомститъ, съ нимъ сблизясь, за него.
Стучитесь въ дверь той комнаты, гдѣ онъ,
Не выходя, злоумышляетъ мщенье
Жестокое. Скажите: Местъ пришла
Соединиться съ нимъ – врагамъ на гибель.

(Они стучатся).

(Титъ открываетъ дверь своей комнаты).

ТИТЪ.

Кто здѣсь меня тревожитъ въ размышленьяхъ?
Изъ хитрости заставить дверь открыть,
Чтобъ скорбныя рѣшенья разлѣтелись,
И замыслы мои пропали даромъ?
Ошиблись вы, все то, что совершу
Здѣсь я вписалъ кровавыми чертами.
Написанное будетъ свершено.

ТАМОРА.

Титъ, я пришла поговорить съ тобою.

ТИТЪ.

Ни слова. Рѣчь сопровождать могу ль я
Движеньями? Нѣтъ у меня руки.

Ты предо мною – въ выгодѣ. Довольно.

ТАМОРА.

Узнай, кто я, - ты сталъ бы говорить.

ТИТЪ.

Не сумасшедшій я, тебя я знаю,
Порукой въ томъ – обрубки и черты
Кровавыя, порукою морщины,
Что провели заботы и печаль.
Вся скорбь моя – порукой въ томъ, что знаю
За гордую тебя императрицу,
Тамору всемогущую. Быть можетъ,
Ты за другой рукой моей пришла.

ТАМОРА.

Несчастный, знай, я вовсе не Тамора.
Она – твой врагъ, я – другъ тебѣ. Я – Мечь,
И послана за тѣмъ я царствомъ ада,
Чтобъ коршуна грызущихъ думъ насытить
Возмездіемъ ужаснымъ надъ врагами.
Сойди ко мнѣ, меня привѣтствуй въ мірѣ,
Поговоримъ о смерти и убійствахъ.
Ущелій нѣтъ иль потаенныхъ мѣстъ,
Огромной тьмы, такой долины мгlistой,
Гдѣ гнусное насилье иль убійство
Кровавое – укрылись бы, дрожа.
Ихъ отыщу, имъ на ухо шепну я
Зловѣщее мое прозванье: Мечь,
Что трепетать обидчика заставить.

ТИТЪ.

Ты мечь? Ко мнѣ ты послана затѣмъ,
Чтобъ сдѣлаться враговъ моихъ мученьемъ?

ТАМОРА.

Да, потому на встрѣчу мнѣ сойди.

ТИТЪ.

Нѣтъ, ранѣе мнѣ окажи услугу.
Съ тобой стоятъ Убійство и Насилье,
Такъ докажи, что ты – и вправду Мечь,

Ихъ заколи, иль брось подъ колесницу,
 И я сойду, и ею буду править,
 Вокругъ свѣтилъ съ тобою я помчусь.
 Найди коней ты черныхъ, словно смоль,
 Несущихъ быстро колесницу мести,
 Открой убійцъ въ злодѣйскихъ ихъ притонахъ.
 Когда ихъ головами колесницу
 Наполнишь ты – на землю я сойду,
 И у колесъ, какъ рабъ погонщикъ, буду
 Бѣжать за ней день цѣлый – отъ восхода
 Гиперіона на востокъ и вплоть
 До самого его заката въ море.
 Я, день за днемъ, готовъ на тяжкій трудъ,
 Лишь умертви Насилье и Убійство.

ТАМОРА.

Они – мои помощники, со мною
 Пришли они.

ТИТЪ.

Помощники твои?
 Какъ ихъ зовутъ?

ТАМОРА.

Насилье и Убійство,
 Такъ какъ виновныхъ въ томъ казнятъ.

ТИТЪ.

Какъ на сыновъ императрицы оба
 Они похожи! Ты же – на нее.
 Но взоръ земной въ обманъ безумный вводитъ
 И жалокъ онъ! О, сладостная Мечь,
 Иду къ тебѣ! Когда съ тебя довольно
 Одной руки – я обниму тебя.

(Уходитъ).

ТАМОРА.

Такой союзъ ему въ безумьѣ милъ.
 И чѣмъ бы въ немъ безумія припадки
 Ни поощряла я – помочь рѣчами

Старайтесь мнѣ. Меня считаетъ Местью
Отнынѣ онъ. Внушивъ ему такую
Мысль дикую, его уговорю
За Луціемъ послать. Покуда мною
На пиршествѣ задержанъ будетъ Луцій,
Изобрѣту я вмигъ такое средство,
Чтобъ разогнать непостоянныхъ готовъ,
Иль поселить въ нихъ къ Луцію вражду,
Но онъ идетъ. Игру я продолжаю.

Входитъ Титъ.

Титъ.

Изъ-за тебя я долго одинокимъ
Здѣсь жилъ. О злая фурія, тебя
Привѣтствую въ моемъ несчастномъ домѣ.
Насиліе, Убійство, вамъ привѣтъ.
Съ императрицей и ея сынами –
Какъ схожи вы! Недостаетъ лишь мавра!
Ужель въ аду нѣтъ дьявола такого?
Извѣстно мнѣ: императрица съ мавромъ
Является вездѣ; для сходства съ ней –
Необходимъ тебѣ подобный дьяволъ.
Но каковы бъ вы ни были – я васъ
Привѣтствую. Мы что же станемъ дѣлать?

Тамора.

Чего отъ насъ желаешь ты, Андроникъ?

Деметрій.

Убійцу укажи – я справлюсь съ нимъ.

Хиронъ.

Мнѣ укажи свершившаго насиліе
Бездѣльника, я отомщу ему.

Титъ.

Ищи среди проклятыхъ улицъ Рима,
Найдешь двойникъ свой, доброе Убійство –
Ударь его: убійца – онъ. Насиліе
Любезное, двойникъ свой увидавъ –
Ударь его, за тѣмъ что онъ – насильникъ.
Иди и ты. Здѣсь есть императрица,
Которая бываетъ всюду съ мавромъ.
Ее легко узнать: вѣдь на тебя

Отъ головы до ногъ она похожа.
Прошу тебя, срази ихъ лютой смертью,
Къ моимъ, ко мнѣ они жестоки были.

ТАМОРА.

Ты указалъ прекрасно. Все исполнимъ.
Но ранѣ пошли, Андроникъ добрый,
За трижды храбрымъ Луціемъ твоимъ,
Который въ Римъ ведетъ отважныхъ готовъ.
Проси его придти къ тебѣ на пиръ.
На этотъ пиръ торжественный – съ сынами
Я приведу сюда императрицу,
И цезаря, и всѣхъ твоихъ враговъ,
Тебя молить всѣ будутъ на колѣняхъ,
И здѣсь на нихъ ты сердце отведешь.
Что говорить на мысль мою Андроникъ?

ТИТЪ.

Братъ Маркъ! Тебя зоветъ несчастный Титъ.

(Входитъ Маркъ).

Ты къ Луцію, мой добрый Маркъ, отправься,
Его найдешь у готовъ. Пусть ко мнѣ
Онъ съ первыми вельможами изъ готовъ
Придетъ сюда, не взявъ съ собою войскъ,
Скажи ему: съ императрицей цезарь
Пируютъ здѣсь, пускай придетъ и онъ.
Ты изъ любви ко мнѣ исполни просьбу,
Пускай и онъ исполнить, если жизнью
Онъ старческой моею дорожить.

222

МАРКЪ.

Все сдѣлаю, и возвращусь немедля.

(Уходитъ).

ТАМОРА.

Теперь иду – твоимъ заняться дѣломъ.
Помощниковъ моихъ беру съ собой.

ТИТЪ.

Нѣтъ, пусть со мной Убійство и Насилье
Останутся, иль брата я верну
И месть мою лишь Луцію довѣрю.

ТАМОРА (*тихо сыновьямъ*).

Что скажете? Согласны съ нимъ остаться,
Пока пойду сказать я государю
Какъ заговоръ устроенъ шутовской?
Его причудамъ льстите, потакайте.
Возитесь съ нимъ, покуда не вернусь.

ТИТЪ (*про себя*).

Всѣхъ знаю я, хотя слыву безумнымъ.
Въ ихъ собственный капканъ поймаю пару
Я адскихъ псовъ проклятыхъ вмѣстѣ съ маткой.

ДЕМЕТРІЙ.

Оставь насъ тутъ, царица, уходи.

ТАМОРА.

Прости, Андроникъ. Местъ уходитъ съ тѣмъ,
Чтобъ для враговъ твоихъ разставить сѣти.

ТИТЪ.

Я знаю, Местъ любезная. Прости.

(*Тамора уходитъ*).

ХИРОНЪ.

Скажи, старикъ, что слѣдуетъ намъ дѣлать?

ТИТЪ.

Есть у меня для васъ довольно дѣла.
Эй, Публий, Кай и Валентинъ, сюда!

Входитъ Публий и др.

ПУБЛИЙ.

Что ты прикажешь?

ТИТЪ.

Знаешь тѣхъ двоихъ?

ПУБЛИЙ.

Я принялъ ихъ за сыновей царицы –
Деметрія съ Хирономъ.

Т и т ь .

Ты ошибся.

Одинъ изъ нихъ – Убійство, тотъ Насилье.
А потому свяжи ихъ, добрый Публий.
Кай, Валентинъ, берите ихъ! Не разъ,
Вы знаете, я ждалъ такого часа.
И онъ насталъ. Вяжите ихъ покрѣпче;
Заткните рты, коль вздумаютъ кричать.

(Т и т ь уходитъ. П у б л и й и др. хватаютъ Хирона и Деметрія)

Х и р о н ь .

Мы – сыновья императрицы. Стойте!

П у б л и й .

Затѣмъ то мы и дѣлаемъ, что надо.
Заткнуть имъ рты, чтобъ слова не сказали.
Связали хорошо? Вяжите крѣпче!

Возвращается Т и т ь съ Л а в и н и ѳ . Она несетъ тазъ, онъ – ножъ.

Т и т ь .

Лавинія, опутаны враги.
Заткните имъ уста, пусть будутъ нѣмы,
Но грозныя слова мои слышать.
Презрѣнные Деметрій и Хиронъ,
Вы тиною источникъ замутили,
Ея весну съ зимой смѣшали вашей,
Супругъ ея убить былъ вами, братья –
За преступленье ваше казнены.
Лишивъ меня руки, вы забавлялись.
У ней языкъ и руки, и другое,
Что этого дороже: непорочность
Чистѣйшую – безчеловѣчно взяли.
Вы палачи! Чтобъ вы могли сказать,
Будь говорить дозволено? Злодѣи!
Просить пощады – стыдно было бъ вамъ.
Вотъ какъ пытать я васъ намѣренъ, твари:
Одной рукой вамъ перерѣжу горло,
А тазъ, куда преступныхъ кровь стечетъ –
Лавинія въ остаткахъ рукъ подержитъ.
Вы знаете, мать ваша здѣсь пируетъ,
Она зовется Местью, я безумцемъ

Слыву у ней. Такъ слушайте, злодѣи!
Я ваши кости въ порошокъ сотру,
Смѣшаю съ кровью вашею, какъ тѣсто,
И сдѣлаю пирогъ – подобье гроба –
Съ начинкою изъ гнусныхъ двухъ головъ.
Имъ угощу я шлюху, вашу мать
Проклятую; пускай, землѣ подобно –
Она пожретъ, что ею рождено.
Вотъ пиръ, что ей готовится, вотъ блюдо,
Что ждетъ ее. Гнуснѣй, чѣмъ съ Филомелой,
Вы съ дочерью моею обошлись.
И отомщу ужаснѣй я, чѣмъ Прогна.
Ну, протяните шеи!
(Рѣжетъ имъ горло). Подойди,
Лавинія, сberi ихъ кровь. Когда же
Они умрутъ – ихъ кости истолку,

223

И съ жидкостью смѣшаю ненавистной,
А головы я въ тѣстѣ запеку.
Идемте всѣ – готовить пиръ кровавый,
Ужаснѣйшій, чѣмъ пиршество центавровъ.
Тащите ихъ, а поваръ буду я,
Чтобъ къ матери приходу ихъ сготовить.

(Уходятъ, унося мертвыхъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Бесѣдка.

Входятъ Луцій, Маркъ и готы со связаннымъ Аарономъ.

Луцій.

Когда отецъ мой, дядя Маркъ, желаетъ,
Чтобъ я былъ здѣсь – я радуюсь тому.

1-ый готъ.

И также мы, чтобъ изъ того не вышло.

ЛУЦІЙ.

Возьми подъ стражу варварскаго мавра.
Онъ – хищный звѣрь, проклятый дьяволъ. Пищи
Ты не давай ему, держи въ цѣпяхъ,
Пока лицомъ къ лицу съ императрицей
Не будетъ онъ сведень, чтобъ уличить
Ее въ дѣлахъ позорныхъ. А въ засаду
Побольше спрячь намъ преданныхъ друзей:
Недоброе, боюсь, замыслилъ цезарь.

ААРОНЪ.

Проклятья мнѣ нашептываетъ чортъ,
Чтобъ мой языкъ отравленную злобу
Всю изливалъ, которой сердце полно.

ЛУЦІЙ.

Прочь, гнусный рабъ, безчеловѣчный песъ!
Его увести вы помогите дядѣ.

(Готы уходятъ съ Аарономъ. Слышны трубы).

Намъ цезаря приходъ вѣщаютъ трубы.

Входятъ Сатурнинъ, Тамора съ трибунами и свитой.

САТУРНИНЪ.

Ужели въ небѣ солнце не одно?

ЛУЦІЙ.

Какая цѣль тебѣ назваться солнцемъ?

МАРКЪ.

Вамъ, императоръ, и тебѣ, племянникъ,
Вступить скорѣй въ переговоры надо,
Пусть этотъ споръ спокойно мы обсудимъ.
Стараньемъ Тита приготовленъ пиръ
Съ почтенной цѣлью: въ Римѣ водворить
Миръ и любовь, добро и единенье.
Приблизьтесь же. Прошу занять мѣста.

САТУРНИНЪ.

Согласны, Маркъ. *(Гобои).*

Входитъ Титъ, одѣтый поваромъ, Лавинія подъ покрываломъ, юный Луцій и др.
Титъ ставитъ блюда на столъ.

Титъ.

Привѣтъ мой вамъ, о добрый государь,
Съ императрицей грозной! Храбрымъ готамъ
И Луцію, и всѣмъ. Пиръ не богатъ,
Но сытымъ быть возможно. Угощайтесь.

Сатурнинъ.

Ты почему одѣлся такъ, Андроникъ?

Титъ.

Слѣдилъ я самъ, чтобъ здѣсь императрицу
И цезаря какъ должно угостили.

Тамора.

Признательны тебѣ, Андроникъ добрый.

Титъ.

Да, были бѣ, вы, когда бѣ читали въ сердцѣ!
Но, цезарь, мнѣ отвѣть: Виргиній пылкій –
Онъ хорошо ли сдѣлалъ, умертвивъ
Самъ дочь свою за то что стала жертвой
Она стыда, насилья и позора?

Сатурнинъ.

Да, хорошо.

Титъ.

Но почему, о цезарь?

Сатурнинъ.

Ей пережить свой стыдъ не подобало
И растравлять страданія отца.

Титъ.

Дѣйствительно и вѣскій, сильный доводъ.
Примѣръ того, живое указанье –
Какъ поступить несчастнѣйшему мнѣ.
Умри, умри, Лавинія! Съ тобою –
Умреть позоръ, съ позоромъ – скорбь отца.

(Убиваетъ Лавинію).

Сатурнинъ.

Что сдѣлалъ ты, отецъ безчеловѣчный?

Титъ.

Я ту убилъ, по комъ я слезы лилъ
До слѣпоты. Несчастенъ какъ Виргиній,
Я въ тысячу разъ болѣе имѣю

224

Причинъ, чѣмъ онъ, чтобъ дѣло совершить
Ужасное. И я свершилъ его.

Сатурнинъ.

Насилию ее подвергли? Кто же?

Титъ.

Покушайте, прошу васъ. Подкрѣпитесь.

Тамора.

Единственную дочь за что убилъ ты?

Титъ.

Не я убилъ: Деметрій и Хиронъ,
Они надъ ней насилье совершили,
Отрѣзали языкъ, подвергли пыткамъ.

Сатурнинъ.

Пускай сейчасъ предстанутъ здѣсь они!

Титъ.

Но здѣсь они – въ томъ пирогѣ, которымъ
Полакомилась мать ихъ, поѣдая
Плотъ отъ нея рожденную. Все, правда.
И острiе ножа тому порукой.

(Убиваетъ Тамору).

Сатурнинъ.

Умри, злодѣй, за свой проклятый грѣхъ!

(Убиваетъ Тита).

Луцій.

Сынъ кровь отца ужели въ силахъ видѣть?
Нѣтъ, даръ – за даръ, за смерть возмездье – смерть!

(Убиваетъ Сатурнина. Сильное смятеніе, толпа разбѣгается. Маркъ, Луцій и ихъ приверженцы поднимаются на террасу дома Тита).

МАРКЪ.

О, граждане, сыны родного Рима!
Печальны вы – разсѣянные смутой,
Какъ стаи птицъ, что разгоняетъ вихрь.
Васъ научу какъ слѣдуетъ собрать
Въ единый снопъ разбитые колосья,
Разрозненные члены – сдѣлать тѣломъ,
Дабы не сталъ тебѣ отравой Римъ,
И онъ, предъ кѣмъ склоняются державы
Могучія, отверженцу подобно,
Самъ не подвергъ себя подобной казни.
Но если видъ моихъ сѣдинъ морозныхъ
И старческихъ морщинъ, что говорятъ
О многолѣтнемъ опытѣ суровомъ –
Васъ не заставитъ выслушать меня, -

(Луцію).

Ты говори, испытанный другъ Рима,
Какъ предокъ нашъ, когда Дидонѣ скорбно
Внимающей и отъ любви больной,
Торжественно передавалъ онъ повѣсть
Той грозной ночи огненной, когда
Взялъ хитрый грекъ царя Пріама Трою.
Скажи, какой Синопъ околдовалъ
Нашъ слухъ, кто внесъ орудье роковое.
Что Риму – нашей Троѣ нанесло
Междоусобья рану. Не стальное,
Не каменное сердце у меня,
И не могу о горькихъ нашихъ бѣдахъ
Повѣствовать я безъ того, чтобъ слезы
Не затопили краснорѣчья словъ
Въ тотъ мигъ, когда они должны сильнѣе
Васъ захватить и вызвать состраданье.
Разскажетъ вождь, - и отъ его рѣчей
Сердца у васъ заплачутъ и застонутъ.

ЛУЦІЙ.

Вы, доблестные слушатели, знайте:
Проклятые Деетрій и Хиронъ

Убили брата цезаря, и нашей
Сестрѣ они безчестье нанесли.
За ихъ вину казнили нашихъ братьевъ,
Презрѣли слезы нашего отца
И доблестной руки лишили гнусно,
Сражавшейся за Римъ и посылавшей
Его враговъ въ могилу. Наконецъ,
И самъ я былъ несправедливо изгнанъ,
За мной врата закрылись, я рыдая,
Пошелъ искать пріюта у враговъ.
Въ моихъ слезахъ вражда ихъ потонула,
Объятъ ихъ раскрылись мнѣ, какъ другу.
Вамъ вѣдомо, что я, изгнанникъ, кровью
Римъ охранялъ, и отъ его груди
Я отстранялъ мечъ вражій, чтобъ направить
Его въ мою отчаянную грудь.
Я – не хвастунъ, вы знаете; вотъ эти
Рубцы отъ ранъ, хотя они безмолвны –
Порукой въ томъ, что правду я сказалъ.
Но – будетъ! Я увлекся похвалою
Не должною себѣ. Простите мнѣ.
Не хвалить другъ – себя мы сами хвалимъ.

МАРКЪ.

Теперь и я заговорю. Ребенка
Вы видите? Таморой онъ рожденъ
Отъ мавра нечестиваго, что главный
Всѣхъ этихъ золь – зачинщикъ и создатель.
Находится презрѣнный въ домѣ Тита,
И подтвердить, какъ онъ ни гнусенъ, можетъ,
Что правда все. Судите, былъ ли поводъ
У Тита мстить за цѣлый рядъ злодѣйствъ
Неслыханныхъ, невыносимыхъ, большихъ,
Чѣмъ смертному возможно претерпѣть?
Что, римляне, вы скажете на правду?
Неправы мы? Тогда скажите: въ чемъ?

<Сверху на странице расположена иллюстрация рисунка Джилльберта (Gilbert) «Трупъ Таморы отдается на растерзаніе звѣрямъ».>

И обѣ руку отюда вмѣстѣ оба –
Андрониковѣ печальныя остатки –
Мы ринемся внизъ головой затѣмъ,
Чтобъ мозгъ разбить обѣ острыя каменья
И сразу здѣсь покончить съ нашимъ родомъ.
Скажите слово, римляне, и оба
Мы обѣ руку низвергнемся сейчасъ.

Эмилій.

Сойди, достойный римлянинъ, съ тобою
Пусть обѣ руку сойдетъ нашъ императоръ,
Нашъ императоръ Луцій: общій голосъ
Народный такъ, я знаю, возвѣститъ.

Маркъ.

Да здравствуетъ нашъ римскій цезарь Луцій!
(Свитъ). Ступайте въ домъ Андроника печальный,
Безбожнаго сюда ведите мавра,
Чтобъ осудить его на злую смерть –
За жизнь его преступную въ возмездье.

(Луцій сходитъ внизъ).

Привѣтъ тебѣ, правитель Рима, Луцій!

Луцій.

Благодарю васъ, римляне. Да правлю
Я такъ, чтобъ язвы Рима исцѣлить
И устранить печали. Но собратъся
Мнѣ съ силами дозволю, народъ мой добрый.
Тяжелый долгъ природой мнѣ назначенъ.
Посторонитесь. Дядя, подойди,
Трупъ ороси прощальною слезою.
Холодныя и блѣдныя уста (цѣлуетъ Тита)
Я горячо цѣлую. На твоёмъ
Лицѣ окровавленномъ эти слезы –
Послѣдній долгъ любви моей сыновней.

Маркъ.

Пускай твой братъ слезою – за слезу,
За поцѣлуй заплатить поцѣлуемъ.
Будь эта дань несчетна, безконечна –

Я и тогда ее бы уплатилъ.

Луцій.

Дитя мое, поди сюда, учись,
Какъ слезы лить. Твой дѣдъ тебя любилъ,
Тебя сажалъ къ себѣ онъ на колѣни
И пѣсенкой баюкалъ на груди,
Разсказывалъ о многомъ, подходящемъ
Къ твоимъ годамъ и для тебя занятномъ.
А потому, внукъ любящій, пролей
Ты нѣсколько слезинокъ на зарѣ
Весны твоей: такъ доброю природой
Назначено. Друзья должны съ друзьями
Быть заодно въ несчастьѣ и бѣдѣ.
Простись же съ нимъ и проводи въ могилу,
И давъ любви залогъ, разстанься съ нимъ.

226

Мальчикъ.

О, дѣдушка, я отъ души желаю
Самъ умереть, чтобъ только ты ожилъ!
Съ нимъ говорить не въ силахъ: задыхаюсь
Отъ слезъ – едва я раскрываю ротъ.

(Свита вводитъ Аарона).

1-ый римлянинъ.

Несчастные Андроники, не плачьте!
Вершите судъ надъ гнуснымъ негодяемъ,
Что былъ творцомъ такихъ ужасныхъ дѣлъ.

Луцій.

Пускай его по грудь зароютъ въ землю,
И голодомъ заморятъ. Пусть кричитъ
И требуетъ онъ пищи съ бѣснованьемъ,
И если кто ему помочь захочетъ –
Тотъ самъ умереть. Таковъ нашъ приговоръ.
Слѣдить за тѣмъ, какъ будетъ онъ исполненъ!

Ааронъ.

О, почему и гнѣвъ и ярость – нѣмы?
Я не дитя, чтобъ съ низкою мольбою
Покаяться въ свершенномъ мною злѣ.
Нѣтъ, худшее я въ десять тысячъ разъ
Готовъ свершить, будь у меня свобода.
Когда жъ добро хоть разъ я въ жизни сдѣлалъ –
Покаяться готовъ я отъ души.

Луцій.

Трупъ цезаря пускай возьмутъ друзья
И погребутъ въ родительской гробницѣ.
А мой отецъ съ Лавиніей да будутъ
Положены въ семейномъ нашемъ склепѣ.
Что до нея – тигрицы злой, Таморы –
Не надо ей обряда погребенья,
Ни въ траурной одеждѣ провожатыхъ,
Ни звона погребальнаго: звѣрей
И хищныхъ птицъ – она да будетъ жертвой!
Она, какъ звѣрь, не знала состраданья
И потому его не заслужила.
Пусть совершатъ надъ Аарономъ казнь –
Зачинщикомъ проклятымъ нашихъ бѣдствій,
Затѣмъ въ странѣ порядокъ водворимъ,
Отъ новыхъ бѣдъ обезопасивъ Римъ.

О. Чюмина.

¹ Исправленная опечатка: было «Шекспива».

² Исправленная опечатка: было «1262».

³ Исправленная опечатка: было «Пинтіи».

⁴ Исправленная опечатка: было «Shakespere's Jahrbücher».

⁵ Переводъ съ рукописи. См. т. IV, стр. 68, прим. 2.

⁶ Исправленная опечатка: было «вараской».

⁷ Исправленная опечатка: было «за римъ они сражались напрасно».

⁸ Исправленная опечатка: было «Что иичего».

⁹ Исправленная опечатка: было «Ливані я».

¹⁰ Исправленная опечатка: было «Виновники кроваго дѣянья?».

¹¹ Исправленная опечатка: было «Вы слышите, не сжалившись надъ ними?».

¹² Исправленная опечатка: было «И ваша мать сказали бы: аминь».

¹³ Исправленная опечатка: было «П У В Л І Й».

¹⁴ В тексте отсутствует знак препинания в конце реплики.